

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации соучастия в преступлении»

Студент

М.С. Базыкин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Уголовно-правовая характеристика института соучастия в уголовном праве России, его значение для квалификации преступлений.....	6
1.1 Понятие соучастия в преступлении, его признаки и значение для квалификации преступлений	6
1.2 Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за соучастие в совершении преступления.....	12
1.3 Институт соучастия по уголовному праву зарубежных стран.....	21
1.4 Основания квалификации преступлений при соучастии.....	30
Глава 2 Виды соучастников преступления, особенности их уголовной ответственности и квалификации.....	38
2.1 Исполнитель: понятие, роли, особенности квалификации	38
2.2 Подстрекатель, организатор и пособник: понятие, роли, особенности квалификации.	47
Глава 3 Проблемы квалификации форм соучастия преступлений в уголовном законодательстве России	55
3.1 Формы (виды) соучастия, их значение для уголовно-правовой оценки преступлений	55
3.2 Соисполнительство как форма соучастия и ее влияние на квалификацию преступлений	63
3.3 Соучастие с юридическим распределением ролей как форма соучастия и ее влияние на квалификацию преступлений	70
Заключение	85
Список используемой литературы и используемых источников.....	90

Введение

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития российского общества все еще остается высоким уровень преступности в отдельных сферах. Проблематика соучастия в преступлении традиционно считается одной из самых сложных в уголовном праве. В доктрине имеют место значительные расхождения в подходах по многим аспектам института соучастия в преступлении, а недостаточно четкая их регламентация в законодательстве приводит к неоднозначности соответствующей судебной практики.

Групповая преступность, как отдельный вид организованной преступности, пересекается с так называемой хозяйственно-корыстной и общеуголовной, в том числе и профессиональной преступностью. Вместе с тем групповая преступность, в отличие от обычной преступности, характеризуется устойчивыми криминальными связями, позволяет не только успешно совершать преступления, но и привлекать новых лиц, «кооперацией» между членами различных преступных групп, наличием специфических правил и норм поведения, определенной идеологией. Распространенность групповой преступности, которая представляет собой наиболее опасное проявление соучастия, на сегодняшний день, свидетельствует о значительности общественной опасности преступлений, совершенных в соучастии. Указанные обстоятельства подтверждают актуальность темы исследования, направленного на формирование научно обоснованных выводов, предложений и рекомендаций при решении проблем квалификации соучастия в совершении преступлений.

Степень научной разработанности темы исследования. Разработке вопросов, касающихся соучастия в различных его аспектах, уделено внимание в работах ведущих ученых, таких как: А.А. Арутюнов, Л.С. Белогриц-Котляревский, Ф.Г. Бурчак, В.В. Васюков, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Гаухман, П.И. Гришаев, В.К. Дуюнов, А.Ф. Зелинский, М.И. Ковалев, О.Ф.

Ковитиди, Г.О. Колоколов, Г.А. Кригер, В.В. Сергеев, В.В. Соболев, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин, М.А. Шнейдер, А.Г. Хлебушкин и др.

Проблемные вопросы института соучастия в преступлении и рассматривались в трудах отечественных и зарубежных ученых, но на сегодняшний день отсутствует единый подход к пониманию сущности и признаков теории указанного института уголовного права. Между тем, указанная проблематика является особенно актуальной в условиях, когда для следственных, судебных и иных государственных органов вызывает трудности квалификация соучастия в совершении преступления и осуществление.

Объект исследования образует совокупность общественных отношений, возникающих в результате совершения преступлений в соучастии.

Предметом исследования являются теоретические основания, правовые, организационные и методические закономерности, связанные с указанным объектом исследования нормы законодательства, регулирующие уголовную ответственность за совершение преступлений в соучастии.

Цель и задачи исследования. Целью является комплексное исследование видов соучастников в теории уголовного права и проблем при квалификации их деятельности.

Цель, объект и предмет диссертационного исследования обусловили постановку следующих **задач**:

- провести исторический анализ теории и законодательства о соучастии в преступлении;
- рассмотреть понятие и признаки соучастия в теории уголовного права;
- установить критерии деления соучастников на виды;
- определить понятие «форма соучастия», ее виды в теории уголовного права, установить уголовно-правовое значение форм соучастия;

- исследовать основания уголовно-правовой квалификации деяний соучастников;
- рассмотреть проблемные вопросы квалификации деяний соучастников при совершении преступления.

Методология и методика исследования. Данное исследование проводилось с использованием диалектического метода научного познания. В ходе исследования использовались общенаучные и специальные методы познания, избранные в соответствии с поставленной целью и задачами, объектом и предметом исследования: методы логики (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия); системно-структурный метод; исторический, системно-структурный и формально-логический методы, метод правового моделирования.

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература в области квалификации преступлений и общей теории уголовного права, статьи в ведущих периодических изданиях, а также диссертационные исследования, тематика которых не выходит за рамки настоящего объекта исследования.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, действующее российское уголовное, уголовно-процессуальное законодательство, акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, документы министерств и ведомств Российской Федерации, регулирующие вопросы соучастия в совершении преступления.

Научная новизна исследования состоит в предпринятой попытке комплексного исследования видов соучастников в теории уголовного права и проблем квалификации их деяний. Совокупность разработанных теоретических положений и практических рекомендаций существенно расширяет и углубляет представление о данной категории.

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Уголовно-правовая характеристика института соучастия в уголовном праве России, его значение для квалификации преступлений

1.1 Понятие соучастия в преступлении, его признаки и значение для квалификации преступлений

Законодательная конструкция статей УК РФ предполагает совершение преступления, как правило, одним лицом (участником). В случае же, если деяние совершается двумя лицами или более, а также при наличии определённых признаков возникает соучастие в преступлении. Однако в теории и практике остается ряд неразрешенных вопросов относительно правильной квалификации деяний совершенных в соучастии, их форм и видов и др. [115].

На сегодняшний день преступления, совершенные при соучастии, приобретают все более массовое распространение, однако их опасность обусловлена не только многочисленной динамикой, но также и качественными причинами, такими как:

- вовлечение в преступную деятельность одновременно нескольких лиц;
- причинение большего вреда интересам личности, общества и государства, в случае совместного участия в преступлении нескольких лиц;
- затруднение раскрытия и дальнейшего расследования преступлений вследствие разнообразного опыта соучастников преступления и их практических навыков, которые способствуют более качественной подготовке и совершению преступления;
- трудности в раскрытии преступления порождают чувство безнаказанности у соучастников преступления, что способствует

совершению новых преступлений и привлечению новых соучастников в преступную деятельность. [16, с. 53]

Согласно статье тридцать второй Уголовного кодекса РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [115]. Иными словами соучастием бывает только умышленные действия нескольких лиц, которые соответствуют признакам субъекта преступления, предусмотренным ст. 19 УК, направленные на совершение преступлений, а, следовательно, и на достижение преступных результатов. Таким образом именно умышленная форма вины определяет факт того, что субъект преступления осознает общественную опасность совершаемого деяния, предполагает наступление порождаемых этим деянием негативных последствий, а также желает либо же сознательно допускает их наступление. Так или иначе, но, еще с начала прошлого столетия и по настоящее время, по данному вопросу в научной литературе представлены различные точки зрения. Исследователями, в том числе Н.Д. Сергеевским и А.Н. Трайниным, а также другими учеными представлен научный взгляд о том, что «наличие соучастия при совершении неосторожных преступлений, то есть как бы неосторожное соисполнительство» [28, с. 25].

Однако в науке существует и другая точка зрения, получившая наибольшее распространение в теории уголовного права и на практике, согласно которой «невозможно признание неосторожного соисполнительства соучастием, поскольку оно не образует вины, то есть отсутствуют такие необходимые элементы, как осознание реальной угрозы общественным отношениям, а также осознание противоправности своего деяния, кроме того отсутствие возможности предвидения наступления общественно негативных последствий, желаний, а равно сознательного допущения совокупного их наступления» [5, с. 169].

Именно поэтому, как утверждают исследователи, «признание соучастием неосторожного соисполнительства, на практике влекло бы

объективное вменение, иными словами ответственность наступала бы за фактические действия, а не за вину субъектов». В свою очередь указанное привело бы к «более широкому толкованию норм уголовного законодательства и, как следствие, привлечению невиновных лиц к уголовной ответственности» [29, с. 123].

В связи с изложенным, действующая на сегодняшний момент времени модель уголовных правоотношений признает соучастие только в умышленных преступлениях. «Вряд ли можно согласиться с тем, – справедливо отмечает в связи с этим А. В. Курсаев – что преступления, совершенные одним, и несколькими лицами, одинаковы по своей общественной опасности только на том основании, что этими преступлениями будет причинен тот самый преступный результат. Другое дело, что размер наказания соучастникам не может выходить за рамки санкции соответствующей статьи, но это что-то другое, что не имеет прямого отношения к оценке степени опасности конкретного деяния. Важное значение имеет и то обстоятельство, что в соучастии последствия причиняются сознательно. Таким образом, преступление, совершенное в соучастии несколькими лицами, обязывает суд подойти к его оценке с точки зрения повышенной опасности этого преступления по сравнению с оценкой аналогичного деяния, совершенного одним лицом» [59, с. 18].

В случае же неосторожного соисполнительства каждый из соисполнителей понесет уголовное наказание только за совершенное лично им деяние за последствия, наступившие в результате таких действий. Ст. 34 УК РФ регламентирует правила квалификации преступных деяний, совершенных в соучастии, а также ответственность соучастников. Важность соблюдения указанных условий обуславливается тем, что в практике не редки случаи использования преступником для достижения преступного результата фигурантов, не достигших возрастного уровня привлечения к уголовному наказанию, либо лиц, находящихся в состоянии невменяемости. В таких случаях имеет место «посредственное причинение вреда» или

«посредственное исполнительство». Объективным признаком соучастия является совместная деятельность. Общность как проявление объективной стороны соучастия включает в себя следующие признаки:

- преступление совершается посредством совместных усилий всех соучастников. Каждый из соучастников, учитывая свой опыт, знания, практические навыки и конкретную обстановку, может выполнять во время совершения преступления различные функции, которые в большей или меньшей степени именно действия всех соучастников в целом;
- участники совместного преступления может происходить лишь на том основании, что его действия (бездействие) были необходимы для причинения единого преступного результата, составляли определенный вклад в его достижение.

Однако помимо внешних признаков соучастия, не менее важными, на наш взгляд, являются внутренние, то есть субъективные, вытекающие из текста закона «... умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» (статье тридцать второй Уголовного кодекса РФ) и позволяющие сделать вывод о наличии соучастия при совершении преступления» [2, с. 328].

Действовать умышленно, прежде всего, означает связь между соучастниками в виде общего замысла (намерения), то есть остальные также согласны совершить преступление именно в соучастии.

Речь идет, следовательно, о соответствующем нормативно-правовом уточнении, которое вытекает из толкования ст. 32 УК РФ: умышленность преступления, совершенного в соучастии, означает, разработку участниками совместного плана действий по достижению общего преступного результата. Для квалификации подобный план разработан заранее, либо же он возник при непосредственном контакте между соучастниками уже на месте совершения преступления не имеет значения. Временные рамки преступного «соглашения», с точки зрения правоприменения, существенного значения не

имеют. Однако имеет существенное значение именно осознание (интеллектуально-волевое) каждым соучастником собственного вклада в достижение общего преступного результата [16, с. 75].

Итак, подводя итог, можно сделать выводы, что категория «соучастие в преступлении» содержит следующие основные признаки. Во-первых, соучастие имеет место только при совершении умышленного преступления и не бывает в непредумышленных преступлениях. В неосторожных преступлениях наличие соучастия исключается именно по мотивам избегания объективного вменения в уголовной ответственности, что может привести к ответственности без вины. Во-вторых, основанием для уголовной ответственности соучастников является только составы преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса РФ, а для организаторов, подстрекателей или же пособника есть необходимость давать ссылку, при этом на статью тридцать третью Уголовного закона РФ, если последние одновременно не были соисполнителями этого преступления. Кроме того, соучастие характеризуется наличием объективной и субъективной стороны всех признаков [74, с. 219] [137].

К объективной стороне признаков соучастия необходимо отнести, во-первых, соучастие при совершении деяния двух и более фигурантов, каждый из которых должен соответствовать требованиям, предъявляемым к субъектам преступления, иными словами лицо должно быть полностью вменяемым и при этом достичь возраста уголовной ответственности, а во-вторых совместная деятельность соучастников в совершении преступления, а именно:

- совершение преступления совместными усилиями всех без исключения соучастников;
- преступность как результат является для соучастников общим, единственным и неделимым;

- наличие необходимой причинной связи между действиями всех соучастников и исполнителем (соисполнителем) совершившим преступление.

К субъективным признакам соучастия считаем необходимым отнести то обстоятельство, что не столько сами преступления должны быть умышленными, но и действия всех соучастников при его совершении должны характеризоваться умыслом [67, с. 285]. Кроме того, необходимо соглашение всех участников при совершении преступлений, то есть намеренное совершение преступления в соучастии должно быть общим. Также умысел при совершении преступления в соучастии включает в себя интеллектуальный и волевой моменты, где:

- интеллектуальный момент характеризуется осознанием каждым из соучастников общественной опасности не столько своего личного деяния, а также деяний всех других участников, и при этом предвидение наступления общественно-опасных последствий как результатов таких совместных деяний;
- волевой момент включает в себя наличие желаний наступления общественно-опасного последствия или безразличного к нему отношения у всех соучастников преступления, то есть они могут при этом действовать и как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Соучастию также присуща взаимная зависимость между функциями совместно действующих лиц. Действия одного соучастника создают условия, делают возможным улучшение деяния другого соучастника. Дать правильную квалификацию единым общественно-опасным деяниям двух и более лиц, при этом установить границы ответственности каждого фигуранта невозможно без определений пределов соучастия. Внешней, объективной чертой соучастия служит причинность. Необходимо установить наличие причинно-следственной связи между действием каждого из участников и наступившими преступными результатами [30, с. 61].

Статья 32 УК РФ, подчеркивая обязательность умышленной формы вины соучастников, не уточняет вид умысла. Выше нами указывалось, что совершение преступления в соучастии может характеризовать как прямым, так и косвенным умыслом (намерением), следовательно, можно было бы предположить, что эти правила распространяется не столько на исполнителя, сколько на пособника, организатора и подстрекателя преступления.

Однако, считая практически невозможным наличие косвенного умысла у организатора и подстрекателя (поскольку умыслом организатора должны охватываться все моменты, касающиеся совершения преступления и деяний соучастников, а суть деятельности подстрекателя заключается в том, что он именно вызывает у другого лица решимость, желание совершить преступление (и желает этого), что невозможно сделать с косвенным умыслом или по неосторожности), из института соучастия в преступлении невозможно исключить косвенный умысел соисполнителя или пособника.

При этом следует присоединиться к существующей в науке уголовного права позиции, согласно которой для соучастия необходима двусторонняя субъективная связь, умышленная общность деяния, то есть осознание каждым из соучастников того обстоятельства, что преступление совершается не в одиночку, а совместно, и деяния каждого интегрированы на достижение общего преступного результата.

1.2 Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за соучастие в совершении преступления

Законодатель, в статье тридцать второй Уголовного закона Российской Федерации, соучастием в преступлении признает умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [115]. Представленное определение является результатом постепенного развития государства и права. Но, перед тем как понять и тем более определить какое-либо явление, сначала необходимо понять его сущность, то есть обратиться к

началу возникновения данного явления. Понимание начала и путей становления института соучастия в преступлении позволит эффективно применять его нормы, а главное, совершенствовать их для наиболее оптимального обеспечения и охраны общественного порядка и благосостояния в нашем государстве. О важности изучения истории отмечал еще Э.В. Георгиевский: «Изучайте историю: вы увидите в ней все великие деяния, как хорошие, так и дурные, при переходе от одного государственного устройства к другому» [23, с. 85]. Таким образом, понять природу соучастия в уголовном праве невозможно без ее исторического обзора.

Еще с древности, одновременно с формированием государства и права, разрабатывались средства борьбы с людьми, которые нарушали общественно признанные нормы поведения, действуя совместно. Вместе, как правило, легче получить желаемый результат. Так, можно констатировать, что уже среди законов, данных Моисею Богом, предусмотрен прямой запрет на совершение совместных общественно опасных деяний: «Не следуй за большинством на зло» [10, с. 61].

Упоминание о преступлениях, совершенных группой лиц, присутствуют и в законодательном памятнике древней Руси – Русской Правде, в которой указывается на ответственность за соучастие в похищении. Так, статья 22 второй редакции устанавливает: «Аще украдут овцу, либо козу, или свенью, а их будет 10 одну овцу было украли, да положить по 60 резан без продажи; а кто изымал тому 10 резан» [122, с. 111].

Подобные правила еще более полно определено в статье 54 третьей редакции Русской Правды: «Адже крадут гумно або рожи в ямах, сколько их было покрало, то по сему по три гривны с каждого» [11, с. 95]. В «Русской Правде» также была установлена ответственность за разбой, совершенный бандой (стаей). Таким образом, можно отметить, что в период начала феодализма в «Русской Правде» еще не проводилось законодательное разграничение форм соучастия и определенных видов соучастников преступления. В период централизации Руси важным памятником

уголовного законодательства был «Уставъ о разбойничих и татинных дел» царствовавшего Иоана Васильевича. В Уставе впервые используется термин «товарыщи», как соучастники преступления. А.Н. Трайнин, в связи с этим, так цитирует Устав: «А тех лихованных людей по обыскам в розбоях и татьбах пытати, учнут на себя и на товарыщей своих говорити... А который разбойник скажет с пытки ково разбивал и живот свой имал; а что он и товарыщи ево живота взяли» [91, с. 12].

Фактически свою историю институт соучастия начинает с «Соборного уложения» царя Алексея Михайловича 1649 года. Этот памятник впервые систематизировал существовавшие до него законы Русского царства, в том числе вопросы, касающиеся соучастия в преступлении. «Соборное уложение» 1649 г. определяло основные положения соучастия, его признаков и видов соучастия, таких как подстрекатели, пособники и исполнители, индивидуализировало ответственность всех лиц, вместе участвовавших при совершении преступления. Также впервые в «Уложении» появляются понятия скопа и заговора. В статье 19 предусмотрена строгая ответственность уже за «одно недонесенное о скопе же или заговоре супротив Царя-батюшки»: «А будет кто сведав, или услыша на Царское Величество в каких людях скоп или заговор, или иной какой злой умысел, а Государю и Его Государевым Боярам и Ближним людям, и в городях Воеводам и приказным людям про то не известит, а Государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма: и его за то казнити смертию, без всякой пощады» [15, с. 215].

Наказание для пособников преступления или согласно «Уложения» – «товарыщей», иногда было легче, чем для исполнителя, а иногда – и наравне с ним. Так, статья 198 определялась: «А будет кто приедет к кому-нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит над тем, к кому он приедет, или над его женою, или над детьми, или над людьми смертное убойство, а сыщется про то допряма, и того, кто такое смертное

убойство учинит, самого казнити смертию же, а товарищев его всех бити кнутом и сослати, куды государь укажет» [63, с. 359].

В дальнейшем развитие уголовно-правовых норм о соучастии базировалось главным образом на детализации и конкретизации положений, которые были сформулированы «Соборным Уложением». В период господства абсолютной монархии все стороны общественно-политической жизни регламентировались Уставами (Таможенным, Морским, Воинским и др.), которые были направлены на укрепление императорской власти. Такая политика определяла и более строгую уголовную ответственность лиц, в случае группового посягательства на установленный правовой порядок в государстве. По законодательству Петра I все лица, которые тем или иным образом участвовали в совершении преступления, наказывались одинаково «яко изменники», в отличие от «Соборного Уложения», в котором в некоторых случаях наказание для соучастников (подстрекателей, пособников) было мягче, нежели для главных виновников (исполнителей). Так, Арт. 155 Устава Воинского определял: «Властно яко убивця сам, такмо и прочие имеют быть покараны, котрые подлинно аки к смертному убвству помогали токмо советом или же делом вступались» [21, с. 79].

Более конкретно об одинаковой ответственности всех соучастников указано в Арт. сто тридцать восемь: «Ежели учинится ссора, брань или драка между рядовыми, тоб никто не дерзал товарищей своих или других на помощь призывать таким образом, чтоб чрез то сбор, возмущение или иной какой непристойный случай произойти мог, а ежели кто сие учинит, онаго и с помощателями повесить» [64, с. 163].

Другой подход к определению меры наказания соучастникам, которые непосредственно не совершали преступление, был закреплен в «Наказе» Екатерины II в 1767 г. «Наказ» впервые отделил исполнителей от других соучастников («сообщников») и установил разное наказание. «Надобно, – указывалось в «Наказе», – положить наказания не столь великие сообщникам

в беззаконии, которые не суть непосредственными онаго исполнителями, как самим настоящим исполнителям» [102, с. 74].

При соучастниках без предварительного договора согласно «Уложения» 1845 году к главным виновникам применялась самая суровая мера наказания, установленная законом за определенное преступление; участники подлежали наказанию одному или же двумя степенями ниже (статья сто двадцать три). При соучастии же с предварительным сговором зачинщики, равно как и подстрекатели, подлежали высшей мере наказания, установленной за это преступление. В Особенной части «Уложения» предусмотрены такие виды совместной деятельности виновных как: скопище – сходка людей в форме бунта (ст. 249), восстание (ст. 263) или уличные беспорядки (ст. 38); преступные сообщества (ст. 318-324) шайка, факт образования которой составлял самостоятельное преступление (ст. ст. 924, 925) [132, с. 57].

Соответствующее понятие соучастия, его основные признаки в законодательстве сложились под влиянием теоретических разработок многих ученых в этой области (Л.С. Белогриц-Котляревский, Л.Е. Владимиров, Н.С. Таганцев и др.) Так, Л.С. Белогриц-Котляревский отмечал: «Соучастие в преступлении – совпадение лиц в преступлении, при котором благодаря общности их субъективной виновности, каждый солидарно отвечает за все деяние в полном объеме. Солидарная ответственность наступает лишь тогда, когда оба субъекта связаны единением воли или, говоря иначе, соглашением» [121, с. 116]. Такой взгляд на природу соучастия, а, следовательно, на основания и пределы уголовной ответственности определенных соучастников, имел преимущественное значение. И хотя одной из общепризнанных основ уголовного права была личная ответственность каждого только за свои личные действия в соучастии устанавливалось новое правило, которое было заимствовано из гражданского права, а именно: правило солидарной ответственности, круговой поруки. Таким образом,

солидарная ответственность и согласие – характерные признаки доминирующей доктрины соучастия того времени.

Такое понимание содержания соучастия в уголовном праве поддерживалось не всеми учеными. Некоторые из них (Г.Е. Колоколов, Н.Д. Сергиевский, И.Я. Фойницкий) не признавали в соучастии необходимости наличия каких-либо особых признаков, отличных от признаков привлечения к уголовной ответственности отдельного лица, таких как: единство воли, общность вины, формальным выражением которых является согласие. Единство воли, замыслов, общность вины, на их взгляд, носит схоластический характер, поскольку соучастие логично необходимо предполагает столько замыслов, сколько соучастников, поскольку каждый входит в общий состав по своему свободному волеизъявлению [37, с. 119]. Презумпция же общности вины опровергалась тем, что вина каждого есть самостоятельная так и отдельная как при одиночной, так же, как и при совместном действии. Таким образом, об уголовном участии в посторонней вине не могло быть и речи. Представители данного направления утверждали, что признание согласия как необходимого признака любого соучастия влечет за собой невозможность привлечения к ответственности лиц, которые тем или иным образом внесли свой вклад в совершение преступления. Например, А. предлагает Б. совершить убийство; Б. молчит, но все же совершает это преступление. Если следовать господствующей теории, А. ответственность за убийство, совершенное в соучастии нести не будет, поскольку отсутствует необходимый признак соучастия – согласие на совместное совершение преступления.

Исходя из недостатков рассматриваемой доктрины, авторы нового направления основание уголовной ответственности видели не в субъективных качествах и взаимных отношениях соучастников друг с другом, а в объективной связи, которая существует между деятельностью соучастника и преступным результатом. Иными словами, соучастие сводилось к совместным началам причинной связи. В связи с этим такое

учение называли объективным, в противоположность доминирующему – субъективному.

Один из последователей объективной теории Г.Е. Колоколов так определял сущность соучастия: «Соучастіе есть такое отношеніе несколькихъ лицъ къ единичному результату, при которомъ каждое изъ нихъ виновнымъ образомъ обусловливаетъ этотъ результатъ посредствомъ известнаго положительнаго действия» [93, с. 37]. Объективная теория соучастия, таким образом, обосновывала индивидуальную ответственность соучастников. Лицо считается ответственным за преступный результат, если оно обусловило его наступление своей деятельностью.

В зависимости от объективной или субъективной характеристики совместно совершенного общественно опасного деяния разделялись и соучастники на отдельные виды (главные и второстепенные). Поскольку каждый соучастник в отдельности вносит вклад в преступное деяние в соответствии со своей деятельностью и волей, то и разницу между главными и второстепенными совиновниками можно было проводить либо по качеству их деятельности (объективная теория), либо по их виновности (субъективная теория), либо по признакам, которые относятся и к объективной и к субъективной стороне преступления.

В период Октябрьской революции 1917 года произошел коренной перелом экономического и политического строя бывшей Российской империи и всей системы законодательства, в том числе и института соучастия в преступлении. Большое значение этот институт получил в связи с необходимостью борьбы с контрреволюционными восстаниями, мятежами, организациями. А значит, именно он требовал немедленной трансформации согласно интересам и потребностям нового общественно-политического устройства. Первое положение о соучастии закреплялось в декретах, обращениях, в которых доминирующую роль играла революционное социалистическое правосознание, а не четкие законодательные постановления по этому вопросу.

Постановлением Наркома юстиции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от двенадцатого декабря одна тысяча девятьсот девятнадцатого года было принято положение о руководящих началах по уголовному закону. Положениям о соучастниках была посвящена Глава V. В статье 21 этого документа отмечалось, что «за деяния, совершаемые сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Меры наказания определяются не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния» [134, с. 84].

Утвержденный Постановлением ВЦИК 01 июня 1922 г. Уголовный кодекс РСФСР также не предусматривал понятие соучастия, что негативно сказывалось на порядке преследования и привлечения к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступления в соучастии. Вместе с тем Уголовное законодательство РСФСР от первого июня двадцать второго года учло недостатки «Руководящих начал» по установлению критериев дифференцированной ответственности соучастников. Так, в статье 15 говорилось, что «...Мерой наказания по каждому из всех соучастников деяния определяется как степень участия, так и степень опасного поведения преступников и совершенных ими преступлений» [44, с. 32]. В Особенной части УК 1922 г. содержались составы преступлений, предусматривающие отдельные контрреволюционные деяния, направленные против социалистического порядка (ст.ст. 57-73). Также отдельно устанавливалось уголовное наказание для подстрекателей, руководителей, организаторов и других участников восстаний и банд (ст.ст. 74-77). Соответствующая дифференциация вида и размеров наказания в зависимости от вида отдельных соучастников свидетельствует о попытке законодателя поставить под особую угрозу само инициирование, создание или организацию любых формирований, враждебных установленному общественно-политическому строю.

В связи с созданием Союза ССР были предприняты «Основания начал уголовного закона Советского Союза и всех Союзных Республик» в одна тысяча двадцать четвертом году [103, с. 74] и на их основании 1 января 1927 введен в действие новый Уголовный кодекс РСФСР. Указанные нормативные акты не предусматривали принципиально новых положений по сравнению с законодательством о соучастии, действовавшим ранее.

Анализ указанных актов позволяет сделать вывод, что законодатели учли опыт развития института соучастия в дореволюционный период, что способствовало совершенствованию законодательной регламентации этого сложного уголовно-правового явления. Такие изменения были связаны с изменением политической ситуации в СССР в связи с отсутствием необходимости насущными средствами защищать уже устоявшийся общественно-политический строй.

Уголовный кодекс 1960 года закрепил понятие соучастников: «Соучастниками признается участие двоих и более лиц, которые совместно и умышленно совершили преступление» [46, с. 37] (ст. 17), отметив тем самым формальные объективные и субъективные признаки данного понятия. Кроме этого, Уголовный кодекс 1960 года дополнил круг соучастников новой фигурой организатора, дав ему также, как и другим видам соучастников, четкое определение. Также был установлен новый принцип назначения наказания каждому из всех соучастников в связи с характером и степенью участия каждого при совершении преступлений. Данный акт с многочисленными дополнениями просуществовал на законном уровне вплоть до принятия последнего Уголовного кодекса РФ 13 июня 1996, в котором были усовершенствованы признаки понятия соучастия и видов соучастников.

На данном этапе исследования, при изучении происхождения и последующего становления законодательного закрепления соучастия форм и видов лиц, принимающий совместное участие в совершении преступления, возможно, хоть и с долей условности, указать на этапы его развития. На

начальном этапе происходит процесс отделения в законодательстве индивидуальных преступлений от групповых.

На втором этапе законодатель пытался установить роль отдельного соучастника в совершении преступлений, поэтому и были определены как организаторы, так и исполнители, а также другие виды соучастия. На третьем же этапе произошла формализация объективного и субъективного признаков соучастников, а также дифференцирование ответственности соучастников. Четвертый этап характеризуется законодательным закреплением определенных форм соучастия [52, с. 139].

Вместе с тем анализ современной структуры и динамики преступности свидетельствует, что происходит рост уровня организованной преступности, которая с каждым годом приобретает новые опасные формы.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо направить усилия на совершенствование уголовно-правовых норм о соучастии, особенно таких опасных ее форм как организованная группа и преступные организации.

Вместе с тем считаем нужным отметить, что действующий Уголовный кодекс РФ наиболее оптимально регулирует взаимоотношения между государством и лицами, которые совместно посягают на те или иные ценности в обществе по сравнению с ранее действовавшим законодательством о соучастии.

1.3 Институт соучастия по уголовному праву зарубежных стран

Вопрос о форме соучастия является если не самым сложным, то одним из сложных, поэтому изучение, а возможно, и использование опыта зарубежных стран в контексте регламентации форм соучастия представляется целесообразным.

Следует отметить, что в некоторых уголовных кодексах соответствующая норма с аналогичным содержанием называется «Формы соучастия», например, тридцать первая статья Уголовного закона Казахстана,

тридцать первая статья Уголовного закона Кыргызстана, двадцать пятая статья Уголовного закона Республики Литва, сорок третья статья Уголовного закона Молдовы, двадцать девятая статья Уголовного закона Узбекистана.

Для законодательства вышеупомянутых стран большое практическое значение приобрел Модельный уголовный кодекс от 17 февраля 1996 г. [71, с. 167], который, будучи нормативно правовым актом и при отсутствии обязательной юридической силы, носил рекомендательный характер и наиболее современный подход решения актуальных пробелов уголовного закона. Внимание уделялось также вопросам соучастия (раздел II главы 7) и борьбой с организованными преступными группами путем введения в десятки составов уголовных норм квалифицирующих признаков «за совершения преступлений организованной преступной группой».

Так, в ст. 38 Модельного Уголовного закона содержится перечень такой формы соучастия: группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество.

В основе их разграничения находятся качественные признаки: наличие или отсутствие предварительного сговора, устойчивость, сплоченность. Количественный признак при характеристике форм законодателем не используется, содержится лишь указание на совершение деяний исполнителем при детализации группы всех лиц и группы фигурантов при наличии предварительного сговора.

Перечисленные государства в целом следовали историческому опыту законодательной регламентации форм соучастия с учетом положений Модельного УК, хотя определенные особенности все же имеют место в уголовном законе указанных государств.

Уголовное законодательство Республики Казахстан [113, с. 54] также регулирует этот вопрос, посвятив ему отдельную норму закона, которая имеет соответствующее название – «Формы соучастия». В ст. 31 УК Республики Казахстан законодатель выделяет группы лиц, группы лиц с

предварительным сговором, равно как и организованные группы, и преступные сообщества (преступные организации). Каждую из перечисленных форм характеризуют присущие только ей признаки. Научный интерес вызывает применяемая терминология, выделенная в подпунктах соответствующей нормы, а именно: «транснациональная преступная организованная группа лиц», а равно «транснациональная преступная группа или сообщество (транснациональная преступная группировка или организация)», «устойчивая вооруженная группа (банда)».

Так, преступление признается совершенным транснациональной организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений на территории двух и более государств или в одном государстве, однако его подготовка, планирование, руководство или последствия этого преступления имеют место в другом государстве, или в одном государстве, однако с участием граждан других государств. Преступление признается совершенным транснациональным преступным сообществом (транснациональная преступная группа или организация), если она совершена объединением нескольких организованных групп или группировок, которая создана с целью неоднократного совершения как одного, так и нескольких деяний на территории двух и более государств или в одном государстве, однако его подготовка, планирование, руководство или последствия имеют место в другом государстве, или в одном государстве, однако с участием граждан других государств [113, с. 217].

При характеристике остальных форм соучастия указание на количество лиц, участвующих в совершении преступления, отсутствует. Законодатель определяет эти понятия, используя качественные признаки, а именно: наличие предварительного сговора, устойчивость группы, цель объединения.

Уголовный закон Республики Кыргызстан в тридцать первой статье закрепляет такие форму соучастия: как простое соучастие, как сложное

соучастие, как организованная группа, как преступное сообщество [110, с. 158].

Простое соучастие - это совершение деяния двумя и более лицами, при условии, что каждый из которых совершает деяние, предусмотренное составом преступления (соисполнительство). Уголовный закон выделяет два вида простого соучастия: совершение преступления группой лиц без предварительного сговора и совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

Уголовный закон Республики Молдовы в сорок третьей статье предусматривает такую форму соучастия: как простое соучастие, как сложное соучастие, как организованная группа, как преступная организация (равно как и преступное сообщество) [114, с. 77], каждой из которых посвящена отдельная норма. В качестве критерия выделения форм законодатель использует уровень координации действий соучастников. В то же время в других нормах (ст.ст. 44-47 УК Республики Молдавия) при описании конкретных форм соучастия используются и другие факторы, а именно: роль в совершении преступления, наличие предварительного сговора, степень соорганизованности, цель объединения.

По мнению исследователей, «преступление совершается в простом соучастии, если в нем принимали участие два и более человека, каждый в свою очередь реализовывал объективную сторону преступления, то есть выступал в качестве соисполнителя» [7, с. 37]. Как утверждают ученые, «преступление совершается в сложном соучастии, если в нем участвовали лица, выступившие в качестве исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника и законодатель указывает на то, что объективная сторона преступления, совершенного в сложном соучастии, может быть реализована одним исполнителем либо несколькими исполнителями».

Преступное сообщество (преступная организация) и организованная преступная группа отличаются от предыдущих форм соучастия в преступлении признаком устойчивости. Кроме того, законодатель,

формулируя определение понятия преступной организации, детализирует цель создания подобного преступного объединения - влияние своим поведением на экономическую, а равно другую незапрещенную деятельность как физических, так и юридических лиц или же контроль над подобной деятельностью других форм хозяйствования для получения от этого выгоды, а равно реализации своих как экономических, так и финансовых или же политических интересов [113] [127].

УК Литовской Республики 2000 г. выделяет в качестве формы соучастия группы соучастников, организованные группы и преступные объединения (ст. 25) [111, с. 213]. Одним из основных критериев, избранным литовским законодателем, служит степень опасности совершенных деяний, вторым – степень тяжести совершенных преступных деяний, наконец, третий критерий – это количество соучастников (для группы соучастников и организованной группы – два и более, для преступной организации – три и более). Предусмотрев всего три формы соучастия, УК Литовской Республики фактически объединил в одну из форм соучастие групп лиц и группы лиц с предварительным сговором, назвав «группой соучастников» [138, с. 248].

Иначе урегулирован этот вопрос в уголовном законе Латвии 1998 г., который предусматривает соучастие (соисполнительство) и участие как сама по себе таковое. Но при этом соучастием (соисполнительством) является словами синонимами понятия группы лиц. В качестве второй формы соучастия выделена организованная преступная группа, под которой следует понимать, как устойчивое объединение, образованное тремя лицами и более, которое создано с целью соучастия совершить преступные деяния как тяжкого, так и особо тяжкого правонарушения, соучастники которого соответствующим образом распределили обязанности по предварительному сговору (ст. 21) [107, с. 251].

УК Грузии (ст. 27) закрепляет такие формы соучастия, как совершение преступления группой лиц, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и совершение преступления организованной

группой [108, с. 249]. Количественный признак используется законодателем при характеристике только первой формы – группы лиц (два и более соисполнителя) с указанием на отсутствие предварительного сговора. Вторая форма содержит качественные признаки – наличие предварительного сговора между участниками с целью совместного совершения преступлений.

По мнению ученых, и с ними нельзя не согласиться, «организованной группе присущи такие качественные признаки, как устойчивость группы лиц, которые заранее вступили в связь с целью совершения нескольких преступлений» [32, с. 389].

В УК Эстонии отсутствуют нормы, регламентирующие совершение преступления в соучастии. Однако указание на совершение преступления группой лиц содержится в п. 2 ст. 38, устанавливающей перечень обстоятельств, отягчающих наказание [118, с. 142].

Уголовное законодательство Республики Армения в сорок первой статье выделило группу лиц, как без предварительного сговора, так и группу лиц с предварительным сговором, как организованную группу лиц, так и преступное сообщество лиц [112, с. 175]. Характеризуя форму соучастия, законодательство указывает на наличие предварительного сговора, устойчивость и детализирует цель создания подобных объединений участников преступления.

Стоит обратить внимание на то, что уголовные законы большинства зарубежных стран не содержат понятий «соучастие», «формы соучастия» (Испания, Франция, ФРГ, Швеция, Швейцария), ограничиваясь лишь перечнем видов всех соучастников, правилом квалификации, а также освобождения последних от уголовного преследования и ответственности, описывают эксцесс соисполнителя (Англия, США, Япония), поскольку уголовно-правовая доктрина этих стран воспринимает соучастие исключительно в узком смысле слова [140].

Уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки регулирует вопросы участия в организациях преступных сообществ через

«принятие обобщающих законов, например, Закона о контроле над организациями преступных сообществ семидесятого года (Закон RICO)» [119, с. 34]. По мнению ученого, «континентально-европейская уголовно-правовая система (романо-германская правовая семья) характеризуется наличием систематизированных и кодифицированных законов».

Как утверждают в своих исследованиях Я.Е. Крылова и Ю.Я. Головкин, «Французская уголовно-правовая доктрина и действующий УК Франции основаны на акцессорной природе соучастия, законодательное определение соучастия в преступлении в УК Франции отсутствует, а приведены лишь виды соучастников» [35, с. 52]. В качестве форм соучастия, «рассматриваются помощь (содействие) и подстрекательство (ст. 121-7), а так же установленная законом возможность соучастия в неосторожных преступлениях» [117, с. 417].

Правовому регулированию института соучастия немецкий законодатель уделил внимание следующим образом: глава 3 раздела II Общей части УК (§§ 25-31) содержит нормы относительно исполнительства и соучастия, хотя непосредственно законодательное определение соучастия в преступлении отсутствует. Кроме того, «законодатель криминализировал организационную деятельность, введя уголовную ответственность за создание вооруженных групп (§ 128), преступных объединений (§ 129), террористических объединений (§ 129а)» [116, с. 173]. Следует отметить, что «в 1992 г. В ФРГ был принят Закон о борьбе с нелегальной торговлей наркотиками и другими формами организованной преступности, который стал, по сути, первым законодательным актом, который регулирует вопросы борьбы с организованной преступностью. Этот закон усилил ответственность за бандитизм и отмывание денег» [35, с. 51].

Интересно мнение исследователей о том, что «уголовный закон Италии также не содержит определения соучастия, форм и видов соучастников, хотя содержит понятия преступного объединения и объединения типа мафии». По утверждению Р.М. Асланова, «эти нормы находятся в Особенной части УК

Италии в разделе V о преступлениях против общественного порядка» [109, с. 329].

Согласно этим нормам, «под преступным объединением законодатель понимает объединение трех и более лиц с целью совершения нескольких преступлений (ч. 1 ст. 416)» [109, с. 409]. Более того, «наличие пяти или более соучастников в одном месте с целью совершения преступления признается отягчающим наказанием обстоятельством (п. 1 ч. 1 ст. 112)» [109, с. 87]. Соответственно, под «организацией типа мафии предполагается такая организация, участники которой прибегают к запугиванию других лиц, чтобы достичь круговой поруки и соблюдения, так называемого, закона молчания, с целью совершения преступлений, завладение прямым или косвенным путем должностями, которые дают возможность управления или контроля над экономической деятельностью, по распределению концессий, выдачей разрешений, заключением подрядов и коммунальным обслуживанием, а также для извлечения незаконных привилегий для себя и других лиц (ч. 3 ст. 416-bis УК Италии)» [109, с. 408].

В УК Японии институту соучастия посвящена отдельная глава (глава 11), хотя общее определение соучастия и ее форм отсутствует. В уголовно-правовой доктрине, в которой «доминирует акцессорная теория соучастия, предусмотрено два вида соучастия: обязательное и добровольное». Так, по мнению теоретиков уголовного-права «формами добровольного соучастия является соисполнительство, подстрекательство и пособничество (ст.ст. 60, 61, 62)». Исследователи утверждают, что «обязательное соучастие предполагает два варианта: объединение, представляющее собой действия двух и более лиц с одной целью (внутреннее восстание – ст. 77, беспорядки - ст. 106), и наоборот – действия двух и более лиц, вступивших во встречные связи (многоженство – ст. 184, взяточничество – ст. 197)» [20, с. 15].

Мусульманская уголовно-правовая система отличается от других глубоким религиозным содержанием. Показательным в этом плане является

Закон Республики Афганистан о наказании 1976 г. Так, законодатель дает определение соучастия в преступлении и перечень видов соучастников. В то же время в законе не упоминаются формы соучастия и отсутствуют определения преступных групп и объединений.

УК Турции рассматривает вопрос соучастия в разделе 6 названием «Соучастие в преступлении и проступке». Выделив случаи наличия соучастия в действиях лиц, УК Турции не дает определения форм соучастия и не содержит упоминания о них в нормах раздела [77, с. 426]. Хотя в главе 4 книги 2 содержится указание на вооруженное объединения и банду, однако без объяснения смысла и признаков последних.

Отдельно от других следует рассматривать УК КНР [120, с. 283], в котором прослеживается характерное влияние российского уголовного законодательства. Вопросы соучастия регламентированы в пяти нормах закона, в частности, определение соучастия содержится в ст. 25 УК. Несмотря на «отсутствие регламентации видов соучастников, много внимания со стороны законодателя уделяется ответственности организатора и руководителя преступных групп, а также организаций мафиозного характера» [33, с. 104]. По мнению законодателя, «преступной группой признается относительно стабильная группа, которая состоит из трех и более человек и создана для совместного совершения преступления (ст. 26)» [120, с. 327].

Проводя анализ уголовно-правовых норм государств СНГ (постсоветское пространство), приходим к выводу о восприятии передовых идей как отечественного, так и зарубежного уголовного права. Развитие института соучастия продолжается путем принятия новых норм, которые способствуют ликвидации пробелов в законодательстве и облегчают их применение на практическом уровне [141].

Уголовное законодательство зарубежных стран существенно отличается от законодательства стран постсоветского пространства по нескольким причинам. Во-первых, «зарубежный законодатель избегает

четкого определения понятия «соучастие», ограничиваясь прецедентным характером формулировок (Италия, США, Франция)» [139]. Во-вторых, «доминирование акцессорной теории соучастия при решении вопросов ответственности соучастников (ФРГ, Франция, Япония)» [85, с. 112]. В-третьих, «ответственность за совершение преступлений в составе организованных преступных объединений преимущественно регламентируется в специальных законодательных актах (Италия, США, ФРГ). В конце концов, фактически во всех вышеупомянутых зарубежных странах криминализована деятельность по созданию, руководству или участию в организованных группах или преступных объединениях (Италия, КНР, ФРГ)» [35, с. 51].

Таким образом, важной также является тенденция разграничения соучастия в преступлении и соучастия в преступной деятельности организованных преступных объединений. Именно с этой целью законодатели стараются максимально формализовать уголовно-правовые нормы, используя при этом количественный критерий численности соучастников – три и более (Италия, КНР), а также направления деятельности преступных групп и объединений на неоднократное совершение преступлений (Италия, США).

1.4 Основания квалификации преступлений при соучастии

В науке уголовного права в течение длительного времени ученые пытаются распределить лиц, совместно совершивших преступление, по их функциям. Не вызывает сомнения актуальность этого вопроса и для законодателя. Соучастие по предварительному сговору предусматривало следующие виды соучастников, а именно: «зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели, пособники» [83, с. 69].

В уголовно-правовой науке второй половины XIX века ученые высказывали различные мнения относительно распределения соучастников

на виды. Так, В.Д. Спасович предлагал разделять соучастников на две группы: первая группа – главные виновники (физические и интеллектуальные, то есть подстрекатели, вторая группа – второстепенные, то есть пособники [17, с. 174].

Впервые в истории науки уголовного права терминологию «виды соучастников» использовал А.О. Кистяковский. В своем элементарном учебнике Общего уголовного права автор писал о таких видах участников, как сообщники, зачинщики, помощники и участники, укрыватели, а также становщики и пристанодержатели. По наказуемости деяний указанные соучастники преступления делились на две категории: зачинщики или главные виновники, и простые соучастники [51, с. 101].

В дальнейшем предлагалась классификация по различным критериям, и в научный оборот был введен термин «типы соучастников». В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона содержится следующая классификация: соучастник делятся на физических и интеллектуальных виновников по характеру деятельности и на главных и второстепенных – по сравнительному значению совершенных деяний. Основными типами соучастников указанные ученые называют исполнителя, пособника и подстрекателя [75, с. 77].

Терминологию «тип соучастников» использовал Н.С. Таганцев, проводя разделение соучастников в зависимости от так называемых «форм соучастия»:

- участие в совершении,
- побудили другого,
- были пособниками (ч. 1 ст. 51) [87, с. 191].

Однако в науке уголовного права дискуссия по классификации соучастников оставалась открытой. Так, Л.С. Билогриц-Котляревский, разграничил соучастников без предварительной договорённости, равно по предварительному сговору. В первом случае он выделял пособников, а во втором три категории участников:

- зачинщиков и подстрекателей;
- сообщников, принимавших непосредственное участие в совершении преступления даже фактом своего присутствия, а также всех пособников, содействием которых было вызвано необходимостью совершения преступления;
- сообщников, не присутствовавших при совершении преступления, и пособников, содействие которых не являлось необходимым [56, с. 47].

И.В. Платонов по внешней форме деятельности различал: «совершителей преступления, непосредственных исполнителей и физических виновников; пособников, помогавших исполнению преступления либо облегчавших его совершение и подстрекателей, то есть лиц, побудивших иное лицо совершить преступление» [89, с. 21].

В советский период наблюдается последовательное развитие вопроса о видах соучастников. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. упоминается о разделении соучастников на исполнителей, подстрекателей и пособников без указания на обобщенный термин «виды соучастников» [90, с. 85]. В УК РСФСР 1922 г. также содержалось разделение соучастников на виды – исполнителя, подстрекателя и пособника (статья шестнадцать) [70, с. 42].

Основы начал Уголовного закона Советского Союза и Республик двадцать четвертого года не содержали нормы о соучастии, предоставляя таким образом возможность союзным республикам самостоятельно определять в законе подобные положения [62, с. 223].

УК РСФСР 1926 г. оставил разделение на так называемые «виды соучастников», однако несколько изменил их классификацию, выделив при этом лиц, совершивших преступление, и их соучастников (ст. 17), отделив от остальных исполнителя преступления [41, с. 47].

То есть впервые в качестве самостоятельного соучастника выделяется организатор преступления [8, с. 106].

В УК РСФСР 1960 содержится классификация соучастников с указанием на функции каждого из них в совместной деятельности (ст. 17). В соответствии с этим нормативным актом соучастниками преступления, наряду с исполнителями, признавались организаторы, подстрекатели и пособники. Так, исполнитель – это лицо, непосредственно совершившее преступление; организатор – лицо организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением; подстрекатель – лицо, склонившее к совершению преступления; пособник – лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем [24, с. 136].

Действующий УК РФ 1996 г. принципиально оставил неизменной классификацию соучастников преступления, которая была предусмотрена в УК 1960, выделив четыре вида соучастников:

- исполнитель (соисполнитель) преступления;
- организатор преступления;
- подстрекатель к преступлению;
- пособник преступления [77, с. 172].

По мнению теоретиков уголовного права того периода, «в основе такой классификации находится объективный критерий, а именно: характер выполняемых соучастниками ролей, то есть вид соучастника определяется с учетом действий, которые совершает виновный в ходе преступного посягательства» [78, с. 321].

Под термином – характер участия, следует понимать понятие, характеризующее объективную сторону деятельности соучастников. Именно характер участия в преступлении является основным объективным критерием, который следует использовать при классификации соучастников на виды. Классически, под характером участия в совершении преступления понимают осуществляемую лицом роль, функцию [85, 113]. С объективной

стороны этот критерий является определенным набором, который находит свое отражение в реальной действительности. Таким образом, как отмечает Воропаев С.А., различать виды соучастников с объективной стороны позволяет именно способ участия в преступлении [20, с. 17].

Обращаясь к этимологическому значению применяемой терминологии, отметим, что понятие «роль» означает воздействие кого-, чего-либо на что-то, чье-либо участие в чем-то; форма поведения человека в той или иной ситуации на производстве, в системе общественных или межличностных отношений [25, с. 79].

Под термином «характер» следует понимать совокупность определяющих свойств, признаков какого-либо предмета, физического или психического явления, его типичные черты [55, с. 373].

Таким образом, критерием разграничения исполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников является характер их участия в совершении преступления.

Совместная противозаконная деятельность, равно как и любая деятельность по соучастительству, является крайним проявлением социального воздействия на общество, негативную окраску которого придает общественная опасность именно таким деяниям, ее настрой против охраняемых при помощи уголовно-правовых запретов отношений в социуме.

В этом контексте речь идет о том, что полное комплексное представление о характеристике совместной противоправной деятельности, и роли каждого участника в отдельности, о сущности взаимодействия между ними, может быть составлено только на основании социально-психологического и криминологического анализа, учитывающих не только поверхностную характеристику преступной деятельности, а равно и внутреннюю связь, и взаимоотношения, складывающиеся между соучастниками при совершении конкретного преступления.

Сущность субъективной теории состоит в том, что разделение соучастников следует проводить, учитывая их заинтересованность в

преступном результате, вне зависимости от их реального вклада в его достижение.

Однако, последняя не получила распространения, поскольку закон об уголовной ответственности не может предусмотреть обязательных смягчений уголовной ответственности, даже по формальным основаниям [34, с. 171], поэтому основным в установлении степени вины соучастников является объем их участия.

Но при этом, мы должны иметь в виду, при большинстве случаев она напрямую взаимосвязана с характером деятельности соучастника [105, с. 351].

Но мысли ученых по этому поводу разнятся. Интересным представляется позиция А.А. Пионтковского, в связи с тем, что «характер участия считают, безусловно объективным критерием, таким, который обуславливает объективную сторону деятельности соучастников».

По мнению ученого, «разделение соучастников на виды и их классификация на главных и второстепенных осуществляется только на основании той объективной роли, которая ими выполняется при совершении преступления».

И в продолжении своих высказываний, исследователь настаивал на том, что «Наш закон проводит разделение между исполнителем, организатором и пособником по той объективной роли, которую он играет при совершении преступления. Данный критерий берется судом и для разделения между пособником, подстрекателей, организатором и исполнителем преступления...» [56, с. 47].

Анализируя соответствующее положение в УК РСФСР 1960 г. (ч. 7 ст. 17), в котором законодатель выделил два критерия характер и степень участия лица в преступлении, П.Ф. Тельнов отметил, что последние касаются различных обстоятельств соучастия, поскольку первый отвечает на вопрос, какие функции выполнил соучастник, а второй – насколько активно он выполнил свои функции.

Автор отметил, что исходя из текста закона, виды соучастников дифференцируются по единым классификационным критериям – по характеру выполняемых функций, при этом степень участия является лишь количественной характеристикой роли лица в общем действии [84, с. 79].

Цвиренко О.Л. пишет, что соучастие можно устанавливать по характерному моменту и степени соучастия, которые существуют как независимые две характеристики – качественной и несомненно количественной стороны, вследствие чего любое качество соотносится с количеством [129, с. 12].

Однако, объективный критерий в проведении разграничения между главными и второстепенными соучастниками не может быть обоснованным, исходя из понимания причинности *conditio sine qua non*, поскольку, согласно данной теории, деятельность каждого из соучастников преступления следует рассматривать как равноценное, одинаково необходимое условие для достижения преступного результата [58, с. 39].

В свою очередь, степень участия, по мнению О.Л. Цвиренко, указывающий, что «является всесторонней оценкой фактической роли субъекта в совершении преступления» [128, с. 19].

Тем самым автор обосновывает наличие двух критериев: степени и характера участия в преступлении, предоставляя последнему второстепенное значение. Ученый утверждает, что «классификацию необходимо проводить в два этапа: в первую очередь, необходимо всех соучастников разделить на организаторов и неорганизаторов, а потом последних – на исполнителей, подстрекателей и пособников, поскольку именно организаторы отличаются от остальных участников высокой степенью соучастия в совершении деяния, независимо от его формальной роли при выполнении состава преступления» [69, с. 81].

Таким образом, обобщив позиции, высказанные в научной литературе и проанализировав историю развития уголовного законодательства о соучастии можно прийти к выводам следующего характера о том, что:

- установление вида соучастия дает возможность не столько обосновать ответственность, сколько определить статус, роль соучастника в совместно совершенном преступлении, которой должна соответствовать конкретная мера ответственности;
- характер участия в совместно совершенном преступлении является наиболее емким критерием классификации соучастников – обобщенной совокупностью всех отличительных признаков, которые наиболее плотно отражают роль фигуранта в совершении совместного преступления;
- законодательное разделение соучастников на виды по характеру участия определяет и правила квалификации исполнителя (соисполнителя), организатора, подстрекателя и пособника.

Глава 2 Виды соучастников преступления, особенности их уголовной ответственности и квалификации

2.1 Исполнитель: понятие, роли, особенности квалификации

В статье 33 УК РФ законодатель описывает деяния каждого из соучастников, являющихся частью общего процесса совершения преступления в соучастии. На основании анализа положений этой статьи можно сделать вывод, что исполнитель (соисполнитель) совершает преступление, а другие соучастники создают условия для его совершения. В теории уголовного права по общему правилу исполнитель определяется как лицо, совершившее деяния, которое полностью или частично образует объективную сторону состава преступления. Соучастием является не простое совпадение действий нескольких субъектов преступления, а их объединение для совместного совершения одного и того же преступления. Общность с объективной стороны выражается в следующем. Первое. Деяние исполнителя является следствием взаимодействия всех соучастников, в связи с чем является для них общим преступным результатом. Так, Минькова А.М. отмечает, что как деяния исполнителя, совершающего преступление с помощью соучастников, так и преступный результат является закономерным и необходимым следствием всей совокупной деятельности соучастников [69, с. 81].

Представляется, что в преступлениях с формальным составом деяние исполнителя является конечным результатом, а в преступлениях с материальным составом – промежуточным результатом, поскольку именно действие исполнителя непосредственно влечет общественно опасное последствие, которое является конечным результатом совместно совершенного преступления. То есть в преступлениях с формальным составом совокупность действий соучастников порождает условно одно следствие, а именно действия исполнителя, а в преступлениях с

материальным составом – так сказать два следствия: первое – деяние исполнителя и второе – общественно опасное последствие совместно совершенного ими преступления.

Второе. Действия исполнителя только в случае взаимодействия с действиями других соучастников образуют достаточную причину наступления преступного результата. Господствующее в уголовно-правовой науке мнение о признании объективным признаком общности наличие необходимой причинной связи между деянием каждого соучастника и общим для соучастников преступным результатом.

В теории уголовного права неодинаков подход к решению вопроса о наличии необходимой причинной связи между деянием исполнителя и действиями организатора, подстрекателя и пособника.

По поводу вопроса о наличии необходимого причинной связи между деянием исполнителя и действиями организатора, подстрекателя и пособника сформировались три точки зрения:

- деяния организатора, подстрекателя и пособника находятся в необходимой причинной связи с деянием исполнителя независимо от особенностей конструкции состава преступления;
- действия организатора, подстрекателя и пособника находятся в необходимой причинной связи с деянием исполнителя только в преступлениях с формальным составом, а в преступлениях с материальным составом они являются необходимыми условиями совершения деяния исполнителем;
- деяние организатора, подстрекателя и пособника не находятся в необходимой причинной связи с деянием исполнителя, а являются необходимыми условиями его совершения.

Так, представители первого подхода И.В. Пантюхина и А.С. Грибов отмечали, что действия организатора, подстрекателя и пособника находятся в непосредственной причинной связи с виновным деянием исполнителя, которое привело к общественно опасному последствию, а через него – с

общественно опасным последствием, потому что «*causa causae est causa causati*» (причина причины есть причина результата) [79, с. 5]. В свою очередь, Черненко Т.Г. указывает, что действия пособника в преступлениях с материальным составом находятся в причинной связи с двумя различными уровнями последствий:

- преступная деятельность исполнителя, обусловленная действием пособника;
- общественно опасные последствия преступления, совершенного в соучастии [131, с. 231].

Последователь противоположного подхода Рудой Л.А. отмечал, что причину, которая закономерно с необходимостью порождает следствие, нельзя отождествлять с условием, которое сопровождает причину, ускоряет или тормозит ее проявление, но непосредственно не порождает следствие. В связи с этим действия одного соучастника не порождаются путем воздействия другого с такой же неизбежностью, как следствие причиной, так соучастник по собственной воле решает, совершать ему общественно опасное деяние. Между соучастниками, как указывает ученый, возникает связь взаимообусловленности, когда действие одного соучастника создает условия, облегчает возможность совершения деяния другим соучастником, а в причинной связи деяния соучастников находятся только с конечным результатом преступного посягательства [92, с. 183].

В свою очередь, Кадников Н.Г. указывал, что содействие совершению преступления исполнителем другими соучастниками вовсе не обрекает исполнителя фатально действовать в определенном направлении, однако признавал наличие причинной связи между деянием отдельного соучастника и деянием исполнителя, которое строится, по мнению ученого, следующим образом: реальная возможность исполнителя совершить преступление, которая образуется или облегчается совокупностью деяний других соучастников, воплощается в действительности лишь путем осознанного исполнителем деяния, который может и уклониться от воздействия

соучастников [43, с. 371]. Причинная связь между их действием и результатом опосредован волей и сознанием исполнителя, то есть непосредственного причинителя этого преступного последствия. Действия исполнителя превращают эту возможность в действительность [27, с. 1460].

Епифанова Е.В. рассматривает действия соучастников как недостаточные причины наступления общественно опасного последствия, которые путем взаимодействия в комплексе образуют достаточную причину [37, с. 119]. Только вся система в целом, по мнению ученого, имеет свойство причинной достаточности. Понятия недостаточной причины и необходимого условия, по мнению ученого, нужно рассматривать как тождественные. Ученый определяет необходимое условие результата как явление, мысленное исключение которого из суммы всех предварительных условий позволяет сделать вывод о том, что без этого явления результат не наступил бы или наступил, но не такой, который наступил на самом деле. Ученый утверждает, что недостаток необходимого условия для наступления результата не является аргументом, который обосновывает отрицание его причинного статуса, ибо любое явление причинно-недостаточное и требует для получения результата взаимодействия с другими явлениями.

По мнению Епифановой Е.В., понимание под причиной только непосредственной причины, которой достаточно для наступления результата, приводит к выводу о неизбежности действия исполнителя, однако для него нет оснований, потому что исполнитель имеет свободу воли, отсутствие которой исключает ответственность. Ученый признает действия исполнителя непосредственной причиной, а действие другого соучастника – опосредованной. Вследствие того, что результат порождается взаимодействием нескольких причин, то каждая из них за него и ответственна, но не полностью (потому что не она одна повлияла на этот результат), а только в пределах собственного вклада в это взаимодействие, то есть степени причинной недостаточности [16, с. 113]. Соучастие как системное образование также рассматривают Т.В. Абдульмянова,

И.П. Асанова и М.А. Жадяева, отмечая, что в результате органического вплетения в действие исполнителя поведения других соучастников соучастие должно рассматриваться как причинный комплекс наступления общественно опасных последствий [1, с. 83]. С позиций системно-структурного подхода деяния каждого соучастника рассматривают и А.В. Шеслер и С.С. Шеслер, отмечая, что они являются самостоятельной структурной составляющей частью общей причины [133, с. 62].

В связи с тем, что условия рассматриваются как явления, необходимые для возникновения определенного события, но сами по себе его не обуславливают, представляется, что при решении вопроса о наличии необходимой причинной связи условие и причину даже если и нельзя отождествлять, то нельзя и противопоставлять друг другу. Еще П.П. Пусторослев отмечал, что причиной является сочетание нескольких положительных или отрицательных условий, которые под влиянием законов природы порождают следствие [80, с. 34]. Каждое условие, которое входит в состав причины следствия, способствует наступлению этого следствия, но само по себе, отдельно, не может вызвать этого следствия. Это может сделать причина этого следствия в полном ее составе. Отношение между следствием и его условием называется отношением обусловленности [81, с. 517]. Поэтому ученый не рассматривал в качестве причины действия отдельного соучастника, а признавал ею всю совокупность деяний соучастников как условий, которые под влиянием законов природы являются причиной преступления [82, с. 105]. Горемычкин И.Е. высказывал мнение, что, если действие или бездействие лица было одним из необходимых условий наступления преступного результата, то имеется причинность как объективное основание ответственности [26, с. 103].

Следует согласиться с анализом соучастия как системы, имеющей свойство причины, достаточной для наступления преступного результата, только в случае взаимодействия действий всех соучастников, которые в их совокупности являются достаточными причинами (необходимыми

условиями) – цепями системы причинения. Таким образом, в преступлениях с формальным составом при соучастии с распределением ролей или в форме соисполнительства действия всех соучастников путем их взаимодействия становятся достаточной причиной наступления одного преступного результата – деяния, которое образует объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии. В преступлениях с материальным составом они становятся достаточной причиной наступления уже двух преступных результатов – деяния, образующего объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии, и общественно опасного последствия, вызванного этим деянием.

В связи с тем, что деяние, которое образует объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии, порождается только взаимодействием усилий всех соучастников, действия организатора, подстрекателя и пособника всегда являются опосредованной и недостаточной причиной, ибо только обеспечивают его выполнение, тогда как деяние исполнителя является непосредственной, но тоже недостаточной причиной, потому что оно хотя и образует объективную сторону состава преступления, но благодаря тому вкладу, который обеспечивается усилиями других соучастников. Как отмечал Е.А. Куликов, действия исполнителя является основным звеном в цепи причинности, что привела к общественно опасному последствию [57, с. 12].

На наш взгляд, в случае участия в совершении преступления наряду с несколькими соисполнителями также соучастниками, которые выполняют другие роли (организатора, подстрекателя или пособника), необходимо рассматривать взаимодействие соисполнителей как подсистему системы причинения. В теории систем подсистема рассматривается как относительно самостоятельная часть системы, обладающая свойствами системы и промежуточной целью, на достижение которой она направлена [74, с. 251]. Так, соисполнители обладают свойствами системы, то есть соучастниками, и промежуточной целью – стать непосредственной причиной преступного

результата, то есть выполнить деяния, которые образуют объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии, путем взаимодействия их актов поведения как непосредственных, но недостаточных причин (необходимых условий). Выделение соисполнительства как подсистемы системы – соучастия с распределением ролей между соучастниками, дает возможность с помощью метода исключения поочередно каждого элемента этой подсистемы и сравнения друг с другом полученных вариантов причинения определить, является ли акт поведения лица таким элементом, отсутствие которого приведет либо к невозможности совершения акта поведения другими соисполнителем, или к невозможности совокупности совершенных актов поведения другими соисполнителями выполнить действия, которые полностью или частично образуют объективную сторону состава преступления. Так, Бабий Н.А. признает исполнителем кражи не только то лицо, которое проникло в помещение и изымает ценности, а также лицо, которое их получает на выходе и загружает в машину [6, с. 629]. Вследствие того, что эти акты поведения путем взаимодействия образуют хищение чужого имущества, лица, их совершившие, должны признаваться соисполнителями. Тогда как лицо, совершившее перевозку похищенного имущества, необходимо признать пособником, поскольку его поведенческий акт не является непосредственной причиной (необходимым условием) похищения, а является содействием ему, то есть опосредованной недостаточной причиной (необходимым условием). Если же такое лицо начинает помогать в загрузке в машину похищенного, то таковой акт поведения становится частью похищения, в результате чего оно должно признаваться соисполнителем.

Рассматривая соисполнительство как систему причинения, в случае технического распределения функций между соисполнителями можно выделить подсистемы в зависимости от промежуточной цели, на достижение которой направлена подсистема, то есть выполнение соответствующей функции. В таком случае акты поведения соисполнителей как элементы

подсистемы путем взаимодействия вызывают действие, которым выполняется соответствующая функция. Совокупность таких действий, как совокупность подсистем, составляет систему причинение деяния, образующего объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии. Так, грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, совершенный по предварительному сговору группой лиц (ч. 2 ст. 161 УК), как систему можно разделить на две подсистемы. Элементами одной из них будут акты поведения соисполнителей, которые путем взаимодействия осуществляют открытое хищение чужого имущества, совершенное в соучастии (например, один из них вырвал из рук потерпевшей сумку, а другой – сорвал с ее шеи золотую цепочку с подвеской), а элементами другой – акты поведения соисполнителей, которые путем взаимодействия осуществляют указанное насилие, применяемое к потерпевшей, совершенное в соучастии (например, один из них во время вырывания сумки и срывания цепочки нанес несколько ударов, а другой – нанес легкое телесное повреждение, не повлекшее кратковременного расстройства здоровья или незначительной потери трудоспособности).

В случае отсутствия технического распределения функций между соисполнителями, когда поведенческий акт соисполнителя сам по себе является деянием, которое полностью образует объективную сторону состава преступления, такие акты также необходимо признать непосредственными недостаточными причинами (необходимыми условиями), что только в случае взаимодействия вызывают действие, которое образует объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии. Так, действия соисполнителей, один из которых по предварительному сговору похитил брата, а другой сестру с целью побуждения родителей этих детей к совершению определенного действия как условия освобождения заложников (ст. 206 УК), путем их взаимодействия составляют совершение этого преступления в соучастии.

Таким образом, деяние исполнителя является общим результатом взаимодействия деяний всех соучастников. Причем в преступлениях с формальным составом совокупность действий соучастников порождает условно одно следствие, а именно действия исполнителя, а в преступлениях с материальным составом – так сказать два следствия: первое – деяние исполнителя и второе – общественно опасное последствие совместно совершенного ими преступления. Кроме того, действия соучастников только в случае взаимодействия имеют свойство причины, достаточной для наступления преступного результата, то есть только в их совокупности являются достаточными причинами. В связи с тем, что деяние, которое образует объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии, порождается только взаимодействием усилий всех соучастников, действия организатора, подстрекателя и пособника всегда являются опосредованной и недостаточной причиной, ибо только обеспечивают его выполнение, а деяние исполнителя является непосредственной, но тоже недостаточной причиной, потому что оно хотя и образует объективную сторону состава преступления, но благодаря тому вкладу, который обеспечивается усилиями других соучастников. Рассматривая соучастие как систему, можно выделить ее относительно самостоятельные части – подсистемы. В случае участия в совершении преступления наряду с несколькими соисполнителями также соучастников, которые выполняют другие роли (организатора, подстрекателя или пособника), необходимо рассматривать взаимодействие соисполнителей как подсистему системы причинения – соучастия с распределением ролей между соучастниками. В свою очередь, рассматривая соисполнительство как систему причинения, в случае технического распределения функций между соисполнителями можно выделить подсистемы в зависимости от промежуточной цели, на достижение которой направлена подсистема, то есть выполнение соответствующей функции.

2.2 Подстрекатель, организатор и пособник: понятие, роли, особенности квалификации.

Предварительный сговор как специфический признак рассматриваемой формы соучастия означает договоренность нескольких лиц о совместном совершении преступления, которая происходит заранее, то есть до его начала. Ключевыми моментами в этом признаке являются время достижения сговора, его содержание и форма внешнего выражения. Предварительный сговор происходит до начала совершения преступления, под которым принято понимать начало совершения преступного деяния. Он должен быть достигнут до начала выполнения хотя бы одним из участников группы деяния, предусмотренного в качестве обязательного элемента объективной стороны состава соответствующего оконченного преступления. Причем промежуток времени между такой договоренностью и началом совершения преступления может быть разным и решающей роли не играет, «договоренность может быть достигнута как задолго до совершения преступного деяния, так и за несколько часов, минут или даже секунд до этого, а все договоренности, которые достигаются в покушении на совершение преступления, являются предварительными; те же, которые имеют место уже при осуществлении покушения, не могут рассматриваться как предварительные» [30, с. 562].

Представляется, что предварительному сговору как признаку группы лиц по предварительному сговору свойственны две формы:

- элементарная – договоренность об отдельных или наиболее общих вопросах совершения преступления (например, договоренность о виде преступления и времени его совершения);
- подробная – договоренность, которая охватывает все или большинство подробностей совершения преступления (договоренность о виде преступления, месте, времени, способе,

орудиях и средствах совершения, потенциальных потерпевших, распределении ролей между соучастниками и т.п.).

Возможны различные формы внешнего выражения предварительного сговора: устная; письменная; с использованием технических средств (телефона, сети Интернет и т.п.); путем конклюдентных действий (с использованием жестов, мимики или иных движений).

Организованная группа отличается от группы лиц по предварительному сговору следующими признаками:

- степенью организации (в группе лиц по предварительному сговору имеется предварительный сговор, а в организованной группе – предварительная сорганизованность)
- характерной для организованной группы устойчивостью;
- целью деятельности объединения (если группа лиц по предварительному сговору может создаваться с целью совершения одного преступления, то организованная группа – с целью совершения не менее двух преступлений)
- обязательной общностью участников организованной группы единым планом, известным всем участникам группы;
- обязательным наличием в организованной группе распределения функций участников группы, направленных на достижение плана. В процессе преступной деятельности группа лиц по предварительному сговору может трансформироваться (превратиться) в организованную группу или преступную организацию. Это может произойти в результате приобретения устойчивости, увеличения количества участников, построения иерархии в объединении, появления единого плана, известного всем участникам группы с распределением функций, направленных на его реализацию, и т.п. [84, с. 115].

В последнее время в юридической литературе широкое распространение получила позиция, согласно которой в состав группы лиц,

совершающих преступление, действуя по предварительному сговору, могут входить как соисполнители, так и соучастники любого вида: соучастники независимо от той юридической роли, которую они выполняют во время совершения преступления. Дискуссия по этому вопросу, как известно, обусловлена неопределенностью, допущенной законодателем при описании форм соучастия: в ч. 2 ст. 35 УК РФ, в отличие от ч. 1 этой статьи, вид соучастников не конкретизирован. Это и наводит на мысль о том, что законодатель не ограничивает группу лиц по предварительному сговору соисполнительством, имея в виду и соучастие с распределением (не техническим, а юридическим) ролей. Утверждается, что закрепленная в ч. 2 ст. 35 УК РФ формулировка, не содержит указания на участие исполнителей в совершении преступления, – не техническая ошибка, как может показаться на первый взгляд, а вполне осознанное законодательное решение. Обращается внимание на то, что в УК отсутствуют положения, которые бы обязывали распространять нормативное понимание понятия группы лиц, закрепленное в ч. 1 ст. 35 УК, на понятие группы лиц, зафиксированное в ч. 2 ст. 35 УК. Отмечается, что законодателем учтена общественная опасность групповых преступлений, которая заключается не в том, что преступники совместно выполняют объективную сторону состава преступления.

Ученые считают, что не инкриминирование такого квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака как совместное совершение преступления в форме соисполнительства или распределения ролей приводит к недооценке общественной опасности совершенного преступления и, как следствие, назначение виновным неоправданно мягкого наказания [125, с. 406].

Не без основания можно отметить, что признание нескольких лиц соучастниками любого вида не может быть специфическим признаком групповой формы соучастия, закрепленного в ч. 2 ст. 35 УК РФ, поскольку это родовый признак соучастия в целом. В ч.ч. 1, 2 ст. 35 УК употребляется такое понятие, как группа лиц, и по правилам законодательной техники оно

должно иметь одинаковый смысл; в ч. 2 ст. 35 УК законодатель, не повторяя сказанного о группе в ч. 1 этой статьи, разъясняет, какой сговор надо считать предварительным, и таким образом акцентирует внимание на отличительных признаках соответствующих групп. Термин «совершение» свидетельствует о соисполнительстве. Именно его наличие значительно увеличивает общественную опасность преступления. Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору для организатора, подстрекателя и пособника фактически исключается возможность нести уголовную ответственность на основании ч. 1 этой статьи УК. Непонятно также, почему к лицу, совершившему преступление (например, убийство или кражу) самостоятельно, надо применять ч. 1 определенной статьи, а если лицо склонили к совершению этого преступления, он должен нести ответственность уже за преступление с квалифицированным составом, и такая ситуация должна расцениваться как проявление групповой преступности [7, с. 38].

Отметим, что именно традиционная позиция является пока доминирующей на практике, в том числе на уровне разъяснений Верховного Суда РФ.

Воспринимая вышеприведенные аргументы, одновременно обратим внимание на взаимоисключаемость формулировок частей 1 и 2 ст. 35 УК, описывающих группу лиц и группу лиц по предварительному сговору, соответственно. Относительно этих форм соучастия принцип «матрешки», согласно которому менее опасная форма соучастия по своим признакам входит в более опасную, не срабатывает. Во время совершения преступления (умышленного тяжкого телесного повреждения, изнасилования, самовольного занятия земельного участка, хулиганства и т.д.) по предварительному сговору группой лиц, если в соответствующем составе преступления как квалифицирующий признак предусмотрено совершение его только «группой лиц», действия соисполнителей должны квалифицироваться без инкриминирования этого квалифицирующего

признака. Наличие соучастия может указывать на повышенную общественную опасность совершенного преступления (ускоряется достижение преступного результата, уменьшается влияние сдерживающих факторов, создаются условия для причинения более значительного ущерба, осложняется раскрытие преступления и т.п.). Вместе с тем, очевидно, было бы неправильно утверждать, что общественная опасность преступления, совершенного в соучастии, при равенстве других условий всегда больше, чем общественная опасность преступления, совершенного лицом индивидуально (самостоятельно). Ведь объединение усилий нескольких субъектов может и не повлиять на те обстоятельства совершенного ими преступления, значимые с точки зрения его квалификации и назначения за него наказания. Показательна в этом смысле позиция отечественного законодателя, который только групповые формы соучастия использует для конструирования квалифицированных (особо квалифицированных) составов преступлений, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, не придавая указанного уголовно-правового значения соучастию с распределением ролей.

Интересно, что даже те исследователи, которые допускают вхождение в состав группы лиц по предварительному сговору соучастников любого вида, вынуждены констатировать, что при таком подходе «нивелируется одно из важных для понимания особенностей форм соучастия разграничительных признаков» [131, с. 230]. По этому поводу вспоминается высказывание Кадникова Н.Г., о том, что любая попытка наделить участника группы (если она не превратилась в организованную) другой ролью (не исполнительной) обуславливает стирание границ между сложным соучастием (соучастием с распределением ролей) и групповым преступлением и в конце концов к применению уголовного закона вопреки его содержанию и назначению [43, с. 371].

Обращение к юридической литературе позволяет констатировать существование еще одной, условно говоря, компромиссной позиции по

рассматриваемому вопросу, суть которой заключается в том, что не каждое соучастие с распределением ролей должно рассматриваться как группа лиц по предварительному сговору. Действия группы лиц, в составе которой не все являются исполнителями, могут квалифицироваться как действия, совершенные по предварительному сговору, когда они были заранее договорены, а фактически осуществлены на этапах непосредственного совершения преступления. По своему характеру эти действия, существенно помогают исполнителю, являются вкладом в достижение общего результата именно на этих этапах [27, с. 1462].

В случаях, когда действия соучастников не находят своего отражения в пределах объективной стороны совершенного исполнителем преступления, не касаются обеспечения реализации преступного умысла исполнителем и, соответственно, не могут признаваться характеризующими общность выполнения объективной стороны преступления и, как следствие, ее группового содержания (например, имеет место подстрекательство к преступлению или пособничество, которое выражается в действиях, совершенных уже после того, как исполнитель совершил общественно опасное деяние) [102, с. 263].

Считаем, что в основу предложенной дифференцированной уголовно-правовой оценки поведения соучастников положен лишенный четкости критерий, ведь все соучастники разных видов (с распределением ролей) так или иначе обеспечивают реализацию преступного умысла исполнителем, а общность действий присуща поведению и таких соучастников. Кроме этого, компромиссная позиция, по нашему мнению, противоречит устоявшемуся представлению о том, для чего нужно соучастие с распределением ролей как законодательная конструкция. Назначение последней, как известно, заключается в том, чтобы сделать возможным уголовную ответственность за деяния, которые непосредственно Особенной частью УК не предусмотрены. По этому поводу В. А. Шагаев писал, что во время описания в диспозициях статей Особенной части УК признаков преступления имеется в виду его

совершение исполнителями или соисполнителями; соучастники же преступления должны привлекаться к ответственности в соответствии с положениями ст.ст. 32-35 УК [132, с. 59].

Необходимо определиться: признавать или не признавать тех или иных соучастников преступления его соисполнителями в зависимости от особенностей законодательного описания состава определенного преступления. При этом в случае отрицательного ответа никаких проблем с уголовно-правовым реагированием на поведение организаторов, подстрекателей и пособников с точки зрения действующего УК не возникнет. В рамках традиционной позиции справедливо отмечается, что взаимодействие между участниками группы лиц по предварительному сговору может быть усложненной, предусматривая техническое распределение ролей между соучастниками, что, однако, не исключает наличия указанной группы как своеобразного «коллективного» субъекта преступления. При этом каждый участник указанной группы отвечает, как соисполнитель, а границы, в которых поступки лиц расцениваются как совершение преступления, то есть выполнение объективной стороны, зависят от содержания признаков состава определенного преступления, описанного законодателем, и преимущественно от того, как такие признаки толкуются тем или иным интерпретатором уголовного закона. Достаточно показательным в этом смысле, например, является противоречивое решение в юридической литературе вопроса о том, кем именно – соисполнителем или пособником кражи – надо признавать того, кто, выполняя роль наблюдателя, который обеспечивает тайный характер хищения чужого имущества [42, с. 19].

Вызывают интерес рассуждения Епихина А. Ю. [38, с. 126]. Убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, исследователь приводит в пример отличной от соисполнительства ситуации, когда рассматриваемая форма соучастия не исключается и тогда, когда преступление в конкретной объективно предметной обстановке фактически

может совершить только один человек. Когда соучастники действуют слаженно как одно целое объединение, хотя только один из них может физически выполнить объективную сторону убийства (выстрел из пистолета, нанесение смертельного удара кинжалом, применение яда для причинения смерти и т.д.) [97, с. 23]. При таких обстоятельствах не совсем понятно, почему тогда лица, по поручению которых действует тот, кто непосредственно лишает потерпевшего жизни, называются ученым соисполнителями. Недостаток традиционной позиции иногда видится в том, что увязывание группы лиц по предварительному сговору только с соисполнительством не позволяет обеспечить надлежащую уголовно-правовую оценку отдельным разновидностям группового соучастия.

Воля законодателя в этом случае четко не объективированная, ведь применение разработанных наукой и практикой способов и методов толкования уголовного закона (в нашем случае ч. 2 ст. 35 УК РФ) позволяет сделать противоположные выводы о возможности (невозможности) образования состава группы лиц по предварительному сговору за счет не соисполнителей, а соучастников различных видов. Так, истинный смысл указанной уголовно-правовой нормы установить проблематично, доктринальные попытки воплощения в УК РФ компромиссной позиции, которая принимает во внимание единство места и времени действий соучастников как характеристику группы лиц по предварительному сговору, оказались неудачными, а аргументы в пользу традиционной позиции кажутся более убедительными. Кроме того, для обеспечения единства правоприменительной практики необходимы разъяснения Верховного Суда, посвященные раскрытию специфики соисполнительства при совершении наиболее распространенных преступлений и его отмежеванию от проявлений соучастия с распределением ролей.

Глава 3 Проблемы квалификации форм соучастия преступлений в уголовном законодательстве России

3.1 Формы (виды) соучастия, их значение для уголовно-правовой оценки преступлений

В теории отечественного уголовного права пока не сформирована устоявшаяся позиция по ряду серьезных вопросов, касающихся института соучастия в преступлении, в частности ее форм или видов, или преступным сообществом (преступной организацией). Для обозначения этих объединений (совершенных ими преступлений), а также других подобных проявлений соучастия используют термины «форма» и «вид» соучастия, определение которых отсутствует в уголовном законодательстве. Это порождает научную дискуссию и свидетельствует о незавершенности формирования концепции «форма (вид) соучастия» в преступлении в теории отечественного уголовного права.

Исследуемые уголовно-правовые категории состоят из терминов «соучастие», «форма» и «вид». Если в законе об уголовной ответственности имеется определение термина «соучастие», то другие понятия следует раскрыть с помощью семантического анализа [79, с. 5].

На основании анализа терминов «соучастие» и «форма» можно сделать вывод, что формой соучастия может быть внешнее или внутреннее проявление, тип, строение, способ организации, способ осуществления или обнаружения. Очевидно, что термин «форма» вполне подходит для характеристики, поскольку отдельные его значения в общем охватывают признаки, присущие современным формам соучастия.

Понятие «вид» также имеет разные значения: «то же, что и лицо; часть территории, которая видна; пейзаж; отдельная отрасль работы, занятия, разновидность в ряде предметов, явлений и т.п.; тип, подраздел, который объединяет ряд предметов, явлений по общим признакам и входит в состав

общего высшего раздела – рода; низшая единица в системе классификации животного и растительного мира, что объединяет животных или растения, которые имеют одинаковые признаки, и входит в состав высшей единицы – рода; грамматическая категория в славянских и других языках, характеризующий действие и состояние с точки зрения их продолжительности» [53, с. 21]. Экстраполируя определение этого термина на соучастие, можно утверждать, что ни одно из его значений в полном объеме не подходит для характеристики или преступным сообществом (преступной организацией). Зато термин «вид» можно применять для обозначения преступных объединений.

Следовательно, определение «форма», наиболее обоснованно характеризующее различные проявления умышленно поддерживается современными исследователями в области уголовного права. Поэтому оно может быть применено для обозначения преступлений, совершенных в составе преступных объединений. Само же преступное объединение следует обозначить термином «вид». К примеру, организованная группа – это вид преступного объединения, а преступление, совершенное ее участниками – форма соучастия.

По мнению Ильясова Д. Б., форма соучастия в преступлении является способом закрепления ее содержания, отражает не только характер внешнего взаимодействия соучастников, но и степень их субъективной связанности [42, с. 21]. В рамках этого определения объединены элементы предыдущих концепций, в частности внешней и внутренней стороны соучастия, а также взаимодействия соучастников. Однако содержание соучастия раскрывают не только его формы, но и виды соучастников. Итак, предложенная дефиниция слишком широко характеризует изучаемую категорию.

Более обобщенный и модифицированный вариант этой концепции предлагает Хадзегов А.В. отмечая, что форма соучастия предполагает специфику объединения соучастников, которая определяется содержанием

объективных и субъективных признаков совместного соучастия нескольких субъектов в совершении деяния [124, с. 23].

В этой связи нельзя согласиться с утверждением тех ученых, которые это преступное объединение относят лишь к простой форме соучастия [106] [210]. Во-первых, это не согласуется с позицией законодателя, который «исключительно в определении преступления, совершенного группой лиц, отмечает исполнителей, а раскрывая другие формы соучастия, указывает на лиц, которые могут быть организатором, подстрекателем и пособником» [31, с. 59].

Во-вторых, «организованная группа лиц, для которой характерно деление ролей, достаточно часто образуется в результате трансформации группы участников при предварительном сговоре» [13, с. 79].

При «квалификации соучастия особого рода, вид соучастника не определяется в тех случаях, когда преступление совершается участником соответствующей группы» [60, с. 155]. Само указание в статье Особенной части на совершение преступления несколькими лицами означает, что они приравниваются к исполнителям преступления независимо от характера выполняемых ролей. По мнению К.В. Чемеринского и С.А. Ходжалиева, к участию особых родов относятся все случаи организованной, подстрекательской и пособнической деятельности, если ответственность за которую предусмотрена как за самостоятельное правонарушение в статьях Особенной части УК [130, с. 109].

Ошибочной считаем позицию О.В. Гейнце, которая помимо указанных выше действий к соучастию особого рода относит «различные виды причастности к групповым, то есть совершенным в соучастии, преступлениям, поскольку причастность к преступлению не является соучастием в преступлении, а следовательно, не может быть и отдельной его формой» [22, с. 84].

Следуя логике ученых, приходим к выводу о том, что «несмотря на важное значение этой классификации, возникают сомнения в логичности ее

построения, ведь в обоих случаях, предусмотренных в Общей и Особенной частях УК РФ, соучастие как уголовно-наказуемое деяние предусмотрено в статьях Особенной части УК РФ, однако основные положения по соучастию изложены в Общей части этого нормативного правового акта» [153, с. 125].

В современном уголовном законодательстве формы соучастия определены прежде всего в ст. 35 УК РФ в виде преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Поэтому необходимо выяснить критерии их выделения, содержание, место среди других видов форм соучастия в преступлении.

Таким критерием называют субъективные признаки, то есть степень устойчивости субъективных связей, устойчивость умысла; наличие и содержание предварительного сговора, количество участников и степень их соорганизованности; характер и устойчивость субъективной связи между соучастниками. О степени сплоченности соучастников свидетельствует устойчивость и цель преступной деятельности объединения. Характер связи между соучастниками может проявляться как в совместных действиях исполнителей, так и в действиях различных видов соучастников. В преступной организации характер связи имеет особенности, обусловленные наличием нескольких организаторов, находящихся на разных уровнях иерархии этого объединения [32, с. 389].

По результатам проведенного исследования необходимо констатировать, что для обозначения преступлений, совершенных в составе преступных объединений, целесообразно применять понятие «форма соучастия». Сами же преступные объединения стоит обозначать термином «вид». Его определяют характерные для преступного объединения уголовно-правовые признаки.

На основании анализа критериев классификации форм соучастия в преступлении аргументировано, что наиболее удачным для современных

форм соучастия является такой критерий классификации, как способ организации действий соучастников.

Сформулированные выводы и предложения не претендуют на завершенность, однако могут служить основой для дальнейших исследований отдельных форм соучастия в преступлениях.

Действующий УК РФ, не употребляя понятия формы соучастия и не давая его определения, в ст. 35 предусматривает, разное значение формам соучастия. Формы соучастия отражены в уголовном законодательстве путем установления круга всех лиц, которые будут нести уголовную ответственность при совместно совершенном преступлении и за определение оснований и пределов уголовной ответственности этих лиц, регламентированных нормами законодательства [136, с. 159].

Формы соучастия используются в уголовном законе в трех аспектах:

- как конститутивный, то есть обязательный и основной признак состава преступления;
- как квалифицирующий признак, отягчающий уголовную ответственность;
- как обстоятельство, отягчающее наказание.

Первый аспект. Изучение Особенной части УК свидетельствует о наличии норм, предусматривающих ответственность за преступления, которые могут быть совершены только совместными согласованными усилиями нескольких субъектов преступления. Соучастие особого рода имеет место при условии, что совершение преступления совместными, согласованными действиями нескольких лиц, то есть при определенной форме соучастия, предусмотренное нормами Особенной части УК представляет собой самостоятельное преступление.

Для конструирования состава преступления, которое совершается совместными согласованными действиями нескольких лиц, необходимо, чтобы оно особенно повышало общественную опасность и являлось типичным для таких посягательств, кроме того, необходимо наличие иного

объекта посягательства. Особая общественная опасность отдельных форм соучастия проявляется в силу специфики вреда, вызываемого совершением таких преступлений. Специфика причиняемого такими преступлениями вреда заключается в том, что кроме основного объекта посягательства появляется и дополнительный, то есть общественные отношения, обеспечивающие безопасность множества иных объектов уголовно-правовой охраны. Иными словами при появлении таких отдельных форм соучастия нарушается безопасность, защищенность важных интересов личности, государства и общества [18, с. 23].

Следует отметить, что отражая в уголовном законе отдельные формы соучастия в качестве конstitutивных признаков преступлений, регламентированных Особенной частью, необходимо учитывать как степень повышения общественной опасности таких деяний, так и типичность соучастия за их совершение. При квалификации такого соучастия нет нужды ссылаться на нормы Общей части УК, поскольку деятельность соучастников полностью охватывается статьей Особенной части.

Второй аспект. Действующее уголовное законодательство РФ в качестве квалифицирующих признаков использует три формы соучастия, определенных ст. 35 УК РФ [115]. Широкое использование таких квалифицирующих признаков соответствует их назначению – дифференцировать уголовную ответственность.

Кроме того, следует отметить, что и степень, и характер общественной опасности преступления, совершенного при различных формах соучастия, также существенно отличаются. Для отображения группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы в качестве квалифицирующих признаков необходимо, чтобы они (каждая в отдельности) существенно повышали общественную опасность совершенного посягательства и были типичными для определенного круга преступлений [16, с. 117].

При совершении преступления с различными формами соучастия в большинстве случаев сознание потерпевшего направлено на сопротивление, которое оказывается подавленным из-за осознания невозможности сопротивляться группе лиц. Путем объединения усилий соучастников возможно достичь желаемого результата намного быстрее и эффективнее. Соучастники уверены, что смогут реализовать преступный план, скрыть следы преступления. То есть совершение посягательства в соучастии должно быть характерным, типичным для конкретного умышленного преступления по сравнению с другим [98, с. 21].

По квалифицированным составам значительное количество санкций построена нелогично, а социальная обусловленность их применения не понятна.

Относительно определения в качестве квалифицирующих признаков различных форм соучастия, то очевидно, что увеличение размера их санкций в разных составах происходит не равномерно.

При применении одного и того же квалифицирующего признака, в котором отображается одна конкретная форма соучастия, очевидно, что такому признаку должно предоставляться одинаковое значение. [141, с. 759].

В связи с этим, целесообразно установить единый подход к применению квалифицирующих признаков. Также необходимо, чтобы наказание соответствовало уровню общественной опасности преступления, а при наличии квалифицирующего признака любой из форм соучастия, качественной характеристикой которой является существенное повышение общественной опасности, наказание должно также существенно увеличиваться. Безусловно, такой подход не является оправданным. Применение таких «признаков должно ужесточать наказания по сравнению с основным составом, квалифицирующие признаки, которые отражают разный уровень общественной опасности преступления, не поглощают друг друга» [125, с. 404].

В отдельных составах преступления законодатель предусматривает в различных квалифицирующих признаках различные формы соучастия – наряду с менее опасными более опасные. Таким образом, квалифицирующие признаки, в которых отражаются различные формы соучастия, является дифференциацией такого посягательства.

В связи с этим о деятельности конкретного соучастника необходимо отметить, что характер его участия во всех случаях одинаков, степень же участия в каждом случае разная. Именно поэтому характер участия соучастника в преступлении является только определенным ориентиром для определения меры наказания.

Окончательно же наказание должно избираться судом с учетом степени участия в преступлении, которое характеризуется объемом деятельности соучастника при осуществлении своей роли. Таким положением законодатель подчеркивает «важность выполняемой соучастником роли для индивидуализации наказания, и именно индивидуализация наказания позволяет за одинаковые преступления избирать каждому из соучастников как одинаковые, так и различные по виду и размеру наказания» [72, с. 29].

Таким образом, «совершение преступления в соучастии отражено в законе в качестве обстоятельства, повышающего общественную опасность деяния для большинства умышленных составов преступления, предусмотренных Особенной частью УК и данное обстоятельство представляет собой средство индивидуализации наказания» [84, с. 104].

УК использует различные формы соучастия в качестве конstitutивных признаков всех отдельных составов любого из преступлений, которые предусмотрены в Особенной части, с целью дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

3.2 Соисполнительство как форма соучастия и ее влияние на квалификацию преступлений

Несмотря на то, что в современной науке уголовного права, достаточно широко разработан институт соучастия в преступлении, отдельные категории указанного института все же создают значительные проблемы как с точки зрения их практического применения, так и с позиций теоретического осмысления феномена соучастия в целом.

Так, в научной литературе уже достаточно долгое время продолжается дискуссия относительно оснований уголовно-правовой квалификации деяний соучастников. Ряд авторов предлагает признавать таким основанием состав преступления (В.К. Дуюнов, В.Н. Кудрявцев, С.А. Тарарухин, П.Л. Фрис, В.И. Малыхин, А.Г. Хлебушкин), другие – уголовно-правовую норму или уголовный закон (А.В. Наумов, И.П. Малахов, В.П. Малков).

Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов такой категории, как основания уголовно-правовой квалификации содержится в трудах вышеуказанных исследователей, однако до сих пор актуален вопрос о том, что определять в качестве «отправной точки» в процессе уголовно-правовой квалификации деяний соучастников, точнее, что является основанием для этого процесса [7, с. 65].

Квалификация как уголовно-правовое явление характеризуется сложностью и многоаспектностью. Слово «квалифицировать» означает, в частности, оценивать, определять качество чего-либо; характеризовать предмет, относить его к определенной группе, определенному классу, разряду и т.д. [95, с. 612]. На сегодняшний день в науке уголовного права более чем достаточно подходов к определению и самих определений понятия «уголовно-правовая квалификация». В наиболее обобщенном виде его можно определить, как процесс юридической, точнее, уголовно-правовой оценки определенного деяния.

Уголовно-правовая квалификация большинством исследователей включается в понятие «применение норм права», то есть является одной из частей (этапов) правоприменения. При этом «квалификация преступления охватывает лишь ту часть процесса применения нормы права, которая заключается в выборе уголовно-правовой нормы, предусматривающей это общественно-опасное деяние, и закрепление этого выбора в юридическом акте» [50, с. 27]. Так или иначе уголовно-правовую квалификацию как один из этапов (элементов) правоприменения, можно осуществлять только тогда, когда для этого процесса существуют необходимые основания.

В основу любого научного исследования вполне обоснованно ставится определение и анализ понятий в рамках проблематики. Традиционно в теории уголовного права выделяют фактическое и юридическое (нормативное) основание уголовно-правовой квалификации. Некоторые исследователи говорят также о предпосылках и основе указанного процесса.

Закомолдин Р.В. считает, что состав преступления является и основанием уголовной ответственности, и юридическим основанием, необходимым компонентом, предпосылкой квалификации любого преступления [40, с. 91].

Епихин А.Ю. признает юридическим основанием уголовно-правовой квалификации статьи Общей и Особенной частей УК. При этом автор выделяет основные и дополнительные нормативные основания уголовно-правовой квалификации. Фактическим основанием квалификации ученый предлагает считать информацию о совершенном деянии, которая стала известна соответствующим органам и полученная ими в законном порядке [38, с. 125].

Сорочкин Р.А. считает, что фактическим основанием квалификации преступления являются обстоятельства дела, которые имеют уголовно-правовое значение (юридически значимые признаки преступления). Юридическим основанием квалификации преступлений, по мнению указанных авторов, являются признаки преступления, предусмотренные УК,

то есть юридический состав преступления, содержащийся в уголовно-правовой норме [97, с. 23].

Приведенные позиции ученых еще раз свидетельствуют о плюралистическом характере понимания исследуемой правовой категории.

Важно разграничивать понятия «основы» и «основания» уголовно-правовой квалификации. Принимая во внимание семантическое значение указанных понятий, основание – это причина, достаточный повод для чего-либо. Основа – источник, главное, на чем базируется что-либо, то, что является сущностью чего-либо [25, с. 79]. Если основание – это то, в связи с чем возникает, осуществляется, происходит что-либо, то основа – это то, на чем возникает, осуществляется, происходит что-либо, то, что принимается за главное, чем оперируют, руководствуются, от чего исходят. Поэтому основание, по нашему мнению, с точки зрения уголовно-правового зрения и семантического анализа указанных понятий, – это совершенное деяние и конкретная норма (нормы) УК РФ. Основа – вся совокупность средств нормативного регулирования, касающихся уголовного права. И поэтому несколько дискуссионным является утверждение исследователей о том, что «именно норма УК является основой для оценки деяния с точки зрения общественной опасности его совершения» [104, с. 725]. Таким образом, значительно расширяется значение уголовной нормы в процессе квалификации, тем самым нивелируется роль всего уголовного законодательства и средств нормативного регулирования, касающихся уголовного права, о которых говорилось ранее, в первую очередь, потому, что понятие «основа» значительно шире, чем понятие «основание».

В.Н. Кудрявцев в одной из своих фундаментальных работ, которая касается квалификации преступлений, в разделе «Состав преступления – юридическое основание квалификации» писал: «... состав преступления служит юридическим основанием привлечения лица к уголовной ответственности» [54, с. 211]. В свете этой гипотезы рассмотрим, как соотносится основание уголовно-правовой квалификации с основанием

уголовной ответственности. Черненко Т.Г. по этому вопросу пишет следующее: «... необходимо говорить о квалификации, когда речь идет об инкриминировании лицу того или иного преступления, и об ответственности при установлении уголовно-правовых последствий этого преступления» [131, с. 229], наличие признаков состава которого уже установлено в процессе квалификации. По времени процесс квалификации предшествует установлению уголовно-правовых последствий действий лица. Отсюда, если основанием уголовной ответственности является наличие в действиях этого лица всех признаков состава преступления, очевидно, что в процессе квалификации такое «наличие» должно быть уже подтверждено. Является убедительным вывод Хубиева Р.Х. о том, что «доказывание наличия признаков состава преступления признается этапом стадии установления соответствия между признаками деяния и нормой. Исходя из этого, достаточно проблемно признавать основанием определенного процесса то явление, которое устанавливается только на его определенной стадии» [126, с. 99]. В подтверждение таких рассуждений точным, на наш взгляд, является утверждение Ермакова С. В.: «квалифицируя преступление, мы определяем ту статью Уголовного кодекса, в которой закреплён состав совершенного преступления». Таким образом, иллюстрируется процесс квалификации, в котором для определения наличия или отсутствия в действиях состава преступления, для начала необходимо определиться с конкретной правовой нормой (правовыми нормами), которая может быть применена в процессе дальнейшего правоприменения [39, с. 87].

С.Н. Шатилович, Р.А. Сабитовым, Р.Д. Шарапов высказывает мнение о том, что состав преступления нельзя признавать юридическим основанием уголовно-правовой квалификации и приводит несколько аргументов в поддержку такой точки зрения. «Во-первых, – указывают авторы, – учение о составе преступления возникло в уголовно-правовой доктрине сравнительно недавно (несколько столетий назад), а квалификация осуществлялась задолго до этого, во-вторых, и сейчас, чтобы квалифицировать деяние, нужно иметь о

нем соответствующую информацию и уголовно-правовую норму, которая регламентирует это деяние» [73, с. 111]. К тому же, если основание уголовной ответственности (наличие в деянии лица состава преступления) имеет нормативное выражение и закреплено в ст. 8 УК РФ, то, говоря об основании уголовно-правовой квалификации, мы имеем в виду исключительно ее доктринальный характер. Таким образом, можно утверждать, что уголовно-правовая квалификация деяния и решение вопроса об уголовной ответственности – два совершенно разных уголовно-правовых процесса, основания которых тоже разные.

Нельзя не отметить, что при имеющейся многоаспектности и большого количества исследований, касающихся вопросов квалификации преступлений, значительный пласт понятий, свойств, механизмов недостаточно изучены, еще познаются, требуют постоянного научного контроля и доработки. Одной из таких проблем, на наш взгляд, является проблема оснований уголовно-правовой квалификации преступных деяний соучастников.

Такой форме преступной деятельности, как соучастие в преступлении свойственна значительная сложность квалификации. О.В. Ермакова, И.В. Ботвин и Л.Я. Тарасова по этому поводу утверждают, что «квалификация соучастия – основная проблема этого института, именно на ней замыкаются практически все вопросы соучастия» [88, с. 23].

Спецификой квалификации деяний соучастников преступления является то, что объективную сторону реализует исполнитель (соисполнитель), другие же соучастники (организатор, подстрекатель, пособник) не являются исполнителями преступления, а выступают как его участники.

Существует очевидная недостаточность сведений об объективной стороне преступления, которая нередко лишает возможности осуществить уголовно-правовую оценку совершенного деяния. Поэтому согласиться с мнением ученых о том, что единственным основанием для вывода о факте

совершения преступления, а, следовательно, и определения начала процесса квалификации является наличие в деянии состава преступления, невозможно [68, с. 194].

При решении вопроса о наличии преступления проводится сопоставление элементов установленного реального акта поведения лица с составом преступления [19, с. 67]. Соответственно если сопоставить действия пособника, который «стоял настороже» во время совершения убийства группой лиц по предварительному сговору, пусть и при условии, что такие действия охватывались единым преступным умыслом соответствующей группы, в таких деяниях сложно предсказать основные объективные признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сталкиваемся с ситуацией, в которой имеет место дефицит элементов состава преступления, а именно отсутствуют признаки, характеризующие объективную сторону. Получается, что основание для квалификации деяний этого лица отсутствует. В этом контексте очевидны существующие сложности в вопросах оснований квалификации действий организатора, пособника, подстрекателя.

Марцев А.И., высказал свою позицию, указав, что данное обстоятельство нисколько не отменяет положение о том, что совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом является единственным основанием уголовной ответственности соучастников. «Дело в том, – объясняет автор, – что состав преступления компонуется не только из признаков, содержащихся в нормах Особенной части УК РФ. Конструкция состава включает и признаки, зафиксированные в нормах Общей части. В силу этого становится очевидным, что для соучастника, который не является исполнителем, основанием ответственности следует считать совершение деяния, содержащего как признаки состава преступления, в котором он участвовал, так и признаки, вытекающие из соответствующей части нормы Общей части, где дано законодательное описание его функциональной роли» [3, с. 207].

Такие мысли не лишены логики и заслуживают внимания. Однако, опять же, поскольку на сегодня, закон не содержит дефиниции о составе преступления, то воспринимать эти утверждения можно не более, чем как рекомендации. Поэтому в высказываниях о едином юридическом основании квалификации (составе преступления) совершенного организатором, пособником, подстрекателем деяния нельзя быть настолько категоричным.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать некоторые отдельные выводы, представляющие интерес для исследования. Основой для уголовно-правовой квалификации является вся совокупность средств нормативного регулирования, касающихся уголовного права: уголовное законодательство, нормативные акты других отраслей права, к которым отсылают банкетные диспозиции статей уголовного закона, нормы морали, обычаи, правовые принципы, общие представления о праве, акты официального толкования уголовного закона. На этой основе избирается основание для уголовно-правовой квалификации определенного деяния. Фактическим основанием для такой квалификации является установление действительных данных о содеянном тем или иным лицом; юридическим основанием выступают конкретные нормы Общей и Особенной части, Уголовного кодекса.

В заключение хочется отметить, что определение основания уголовной ответственности – это не просто очередной спор о терминах, а важная часть научной разработки категориального аппарата, которая имеет как материальное, так и процессуальное значение и играет одну из основных ролей в процессе правового регулирования.

Так, правильная квалификация создает правовые предпосылки для наказания настоящего преступника и исключает необоснованное осуждение лица, действия которого не представляют общественной опасности и не являются противоправными. Определение основания уголовно-правовой квалификации – это начальный этап правоприменения. Поэтому значение

правильности на этом этапе крайне велико, поскольку от начала логично зависит и продолжение всего процесса.

3.3 Соучастие с юридическим распределением ролей как форма соучастия и ее влияние на квалификацию преступлений

Существенное отличие уголовно-правового содержания понятий «пособник» и «пособничество» определяется тем, что последние относятся к различным элементам состава преступления: пособник – это вид субъекта, а пособничество – вид деяния, характеризующий объективную сторону преступления, совершаемого в соучастии. Именно поэтому базовыми положениями в исследовании понятия «пособничество» и его признаков должны быть:

- отличие уголовно-правового содержания этих понятий, их разное соотношение с элементами состава преступления, которое совершается в соучастии;
- неразрывная связь и взаимозависимость понятий пособника и пособничества;
- очевидно, что понятие «пособник» является производным от понятия «пособничество» как вида совместной преступной деятельности, имеет специфические объективные и субъективные признаки.

Вместе с тем следует иметь в виду, что понятие пособничества в законодательстве отсутствует. Понятие же пособника определено законодателем и закреплено в ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Сутью роли пособника с объективной стороны является содействие совершению преступления способами, указанными в уголовном законе.

При рассмотрении разного рода явлений и понятий, которые их определяют, методологически правильным представляется выделение и анализ признаков, свойств, составляющих это явление. Не является в этом

плане исключением и пособничество. Основным объективным признаком которого, «является содействие совершению преступления путем предоставления разного рода помощи другим соучастникам» [48, с. 217].

Согласно большого толкового словаря русского языка, под редакцией Скворцова Я.Л., «в этимологическом плане способствовать означает: положительно влиять на что-либо; создавать соответствующие условия для осуществления, исполнения и т.д. чего-либо; оказывать помощь в чем-либо; быть причиной или следствием возникновения, существования и т.д. чего-либо; создавать, вызывать желание выполнять какое-либо действие; потакать кому-либо» [94, с. 738]. Такое понимание термина, по мнению ученого, «является основанием и для уголовно-правовой характеристики пособничества, однако оно требует выделения именно тех признаков, которые бы отражали суть пособничества как формы преступной деятельности». Продолжая свою мысль, исследователь утверждает, что «анализ понятия содействие, предусматривает два уровня: первый – определение общих свойств преступного деяния; второй – определение его специфики как деяния, совершенного в соучастии, его взаимосвязи с общими действиями других соучастников и прежде всего – исполнителя».

На первом уровне, следует исходить из того, что «содействие как преступное деяние должно быть наделено общими признаками преступного деяния: быть общественно опасным, противоправным, осознанным и волевым поступком человека» [67, с. 222]. Данные признаки следует рассматривать «не только в том аспекте, который определяет их особенности при пособничестве, а и уделять внимание второму уровню – уголовно-правовой специфике содействия, как составной части объективной стороны соучастия». Как представляется, здесь, прежде всего, следует проанализировать особенности физических свойств этого содействия.

По мнению теоретиков, «физическую основу действия пособника, как и любого человеческого поведения, составляет движение тела или его отсутствие» [16, с. 83]. Движение тела соучастника, как справедливо

подмечено учеными, «порождает физическую или словесную активность, или сочетание того и другого, совершаемые жестами или произнесением слов, непосредственно влияют на сознание исполнителя или других соучастников, укрепляя, таким образом, их решимость совершить преступление или облегчая его совершение» [30, с. 530].

Ученые, изучающие вопросы соучастия, считают, что «содействие совершению преступления может быть выражено в двух формах поведения: активной (действие) и пассивной (бездействие)» [104, с. 925]. Что касается действия при пособничестве, по мнению исследователей, «то возможность этой формы поведения не вызывает необходимости доказывания» [20, с. 15]. Теория показывает, что «в подавляющем большинстве случаев пособничество выражается в форме активного поведения, однако утверждение, что бездействие, как и действие, является формой пособничества, решается на практике неоднозначно и требует дополнительной научной аргументации» [7, с. 36].

Решение этого вопроса, прежде всего, должно основываться на общих положениях о преступном бездействии как форме уголовно-правового деяния. В этимологическом значении «бездействием» является понятие противоположное действию, отрицающее действие [25, с. 77]. Именно такой смысл в понятие бездействия вкладывается учеными, которые занимались изучением этой проблемы. В науке уголовного права преступное бездействие определяется как акт общественно опасного и противоправного поведения, который «заключается в не совершении лицом того, что оно по определенным основаниям обязано было и могло сделать» [3, с. 217].

Следуя логике исследователей, «положения о бездействии полностью применяются и в отношении пособничества» [19, с. 68]. Однако, по мнению некоторых теоретиков, «вопрос о возможности пособничества путем бездействия не может быть решен без соотнесения этого понятия с характером объективной стороны того преступления, совершению которого оказывается содействие» [135, с. 125]. Здесь представляется возможным

выделить следующие признаки, указывающие на то, что «пособничество путем бездействия совершению преступления, объективная сторона которого состоит в бездействии, а так же то, что пособничество путем бездействия совершению преступления, объективная сторона которого состоит в действии» [2, с. 193].

Что касается первого случая, нужно отметить, что «пособничество в преступлении, объективная сторона которого состоит в бездействии, возможно только путем активных действий, в тоже время пособничество в форме бездействия здесь исключается но, если на лицо, которое способствовало совершению такого преступления, была возложена обязанность активного поведения», то, как правильно считают С.Н. Шатилович, Р.А. Сабитов и Р.Д. Шарапов [73, с. 341], «такое лицо должно рассматриваться как соисполнитель преступления, а не пособник, так как на лице лежала специальная обязанность действовать активно». Пособником должен признаваться только тот, кто «способствует приготовлению или совершению преступления, не принимая при этом участия в совершении деяния, которое входит в объективную сторону состава преступления» [73, с. 217].

Пособничеством, – как писал еще А.Ф. Кистяковский, – называется такое участие в преступлении, которое как в субъективном, так и в объективном отношении заключается только в содействии совершению преступления, а не в воспроизведении самого состава преступления [45, с. 327]. По мнению ученого, «отличие пособничества от соисполнительства заключается в том, что каким бы значимым по своему характеру это деяние не было, оно всегда не совпадает с деянием, которое образует объективную сторону преступления, совершаемого исполнителем». Действительно, «в случае, когда исполнитель совершает преступление, объективная сторона которого состоит в бездействии, пособничество путем бездействия невозможно, поскольку такое содействие образовывало бы

объективную сторону преступления, совершаемого исполнителем» [3, с. 236].

Таким образом, «пособничество в бездействии всегда предполагает активную деятельность, направленную на создание благоприятных условий для исполнителя преступления» [101, с. 8]. По мнению исследователя, «если на лице не лежала специальная обязанность действовать активно, оно не подлежит уголовной ответственности и не может быть признано пособником».

Что касается случаев пособничества преступления, объективная сторона которого состоит в действии, то содействие может заключаться и в бездействии, но только в том случае, если на лицо возложена специальная обязанность – действовать активно. Л.С. Белогриц-Котляревский содействие преступления путем бездействия называл отрицательным пособничеством [9, с. 124].

Как указывает в своей работе Г.В. Тимейко, спорные вопросы соучастия при преступном бездействии, «пособничеством следует признавать такое бездействие, которое было обещано заранее». «Заранее данное обещание бездействовать, по мнению ученого, добавляет всему деянию виновного лица качественно новые признаки». Здесь уже нет так называемого «чистого», а также «смешанного бездействия» [101, с. 7]. Таким образом, – как пишет далее Г.В. Тимейко – «возникает смешанная форма преступного поведения, состоящая из предыдущих активных действий (заранее данного обещания) и последующего виновного бездействия (не противодействие совершению преступления)» [100, с. 74].

Как представляется, заранее данное обещание бездействовать порождает также внутреннее единение преступников, взаимную осведомленность о совместном совершении преступления и согласованность преступных действий.

В то же время, суждения Кокина Д.М. представляется неточными. Вопрос о том, что «находится в обуславливающих связях с преступным

результатом, заранее данное обещание бездействовать (действие) или же невыполнение возложенной обязанности (бездействие), не может быть решен однозначно без выяснения времени совершения бездействия» [49, с. 72]. В некоторых случаях, но отнюдь не всегда, «именно заранее данным обещанием пособника не противодействовать совершению преступления, создается обуславливающая связь между деянием пособника и преступным результатом, поскольку такое заранее данное обещание укрепляет решимость исполнителя совершить преступление». К таким случаям следует отнести заранее обещанное попустительство. Именно при этой форме пособничества, заранее данное обещание приобретает обуславливающий характер, дальнейшее же (после окончания преступления, совершаемого исполнителем) бездействие – не играет существенной роли в юридической оценке. По своему характеру указанная форма пособничества близка к пособничеству в форме заранее обещанного укрывательства с той лишь разницей, что заранее обещанное укрывательство предполагает активные действия [76, с. 13].

Именно невыполнение правовой обязанности (бездействие пособника), приобретает обуславливающего характера в случае, если оно совершено до момента окончания преступления, совершенного исполнителем, и было необходимым условием или существенно облегчило его совершение. Само же обещание бездействовать в этом случае в обуславливающей связи с общим преступным результатом не находится и является лишь составным элементом сговора.

Таким образом, «специфика пособничества преступления путем бездействия заключается в том, что оно возможно только до момента окончания преступления, совершаемого исполнителем, и только в том случае, когда: объективная сторона такого преступления, заключается в воздействии и на лицо, которое способствовало совершению преступления, была возложена правовая обязанность активного поведения для недопущения общественно опасных последствий» [14, с. 33].

Значительный интерес для характеристики пособничества имеют его объективные пределы. Четкое определение начального и конечного моментов действия пособника, его объективных границ в пространстве и времени позволяет более глубоко проанализировать суть пособничества. Как уже отмечалось ранее, деянию пособника присущи все те признаки, характеризующие любое преступное деяние в его уголовно-правовом смысле. Пособничество отсутствует, если у лица только созрела решимость предоставить другому лицу содействие в совершении преступления, но внешне оно не было выражено. Не будет пособничества и в том случае, если лицо совершает определенный поведенческий акт, но в этой конкретной ситуации такой поведенческий акт не является общественно опасным и противоправным. Таким образом, действие лица становится пособничеством в случае, если оно является свободным волеизъявлением, общественно опасным, противоправным и направлено на содействие совершению преступления другим лицом [123, с. 267].

Конечный момент действия пособника определяется тем временем, когда пособник сделает все то, что он считал необходимым сделать для оказания содействия в совершении преступления и достижении общего преступного результата. Что касается определения объективных границ бездействия пособника, то во времени и пространстве они не могут определяться теми же признаками, что и границы действия вследствие того, что бездействие не имеет характерных внешних проявлений. Началом содействия преступлению путем бездействия является момент, который характеризуется совокупностью двух обстоятельств: констатации факта, что обязанное лицо не выполнила своей обязанности совершить активные действия; и в этих условиях, месте и времени у лица была реальная возможность совершения необходимых активных действий. Очевидно, что бездействие лица в этой обстановке должно быть общественно опасным и противоправным. Отсутствие хотя бы одного из этих обстоятельств или совершения преступления исполнителем и является окончанием бездействия.

Относительно пособника момент окончания преступления определяется действием исполнителя, а не временем совершения деяния [99, с. 195].

Момент окончания преступления, неразрывно связан с проблемой действия уголовного закона во времени. Установление объективных границ содействия, его начала и конца имеет важное практическое значение для решения вопросов о добровольном отказе пособника, для разграничения пособничества от причастности. Для правильного решения вопроса о том, было ли в этом случае пособничество совершению преступления или причастности к преступлению, необходимо установить, в какой момент лицо способствовало: до начала совершения преступного деяния исполнителем, в момент его совершения или после его окончания. Вопрос о том, что следует считать окончанным преступлением, в науке уголовного права является дискуссионным [65, с. 43].

В зависимости от того, как сконструирован тот или иной состав в законе все они делятся на материальные, формальные и усеченные. Такое распределение составов признается подавляющим большинством криминалистов.

Это может иметь место, например, в длящихся, продолжающихся преступлениях, в преступлениях с усеченным составом. Примером такого несовпадения юридического и фактического моментов окончания преступления может служить разбой: согласно ст. 162 УК РФ, разбой считается законченным с момента нападения на потерпевшего с целью завладения его имуществом – это юридический факт, фактический же момент – достижение цели завладения имуществом. Как отмечает Леонтьев М.Г., при разбое нападение не самоцель. Это положение о различии фактического и юридического моментов окончания преступления имеет в некоторых случаях решающее значение для признания определенных деяний пособничеством [61, с. 37].

В случаях, когда юридический момент окончания преступления, совершаемого исполнителем, не совпадает с его фактическим окончанием,

пособничество следует считать возможным до момента его фактического окончания исполнителем преступления. Так, пособничеством разбоя должно рассматриваться содействие исполнителю разбоя как до момента нападения на потерпевшего, так и после нападения в период до завладения имуществом. Аналогично должен решаться вопрос при пособничестве в делящихся преступлениях. Правильным в связи с этим представляется высказывание Шеслер А.В., который отмечает, что «преступление юридически может быть уже законченным, а фактически еще продолжаться и было бы нелогичным относить к числу соучастников только лиц, способствовавших исполнителю до момента юридического окончания преступления, и не относить к ним лиц, способствовавших в момент его фактического совершения» [133, с. 61]. Понятие оконченного преступления важное для разграничения, в частности, пособничества и причастности. Соучастие – как правильно отмечает Арутюнов А.А., – возможно только до завершения преступления, а сокрытие – только после этого [4, с. 31]. По мнению ученого, «характеристика деяния пособника не исчерпывается анализом его физических свойств, любая человеческая деятельность, и преступная в том числе, – это всегда единство физического и психического». С психологической позиции, как нам представляется, «деяние пособника является проявлением его сознания и воли, характеризуется целеустремленностью и определенной мотивацией, это волевой акт, направленный на содействие совершению конкретного преступления» [127, с. 21]. Волевой акт – это не просто сознательный акт внешнего поведения, но акт, который свободно избирается преступником в конкретной обстановке. Действие, направленное на содействие в совершении преступления, является свободным волеизъявлением пособника, укрепляет решимость исполнителя или иного соучастника совершить преступление или способствует этому и таким образом облегчает осуществление преступных намерений и наступления общественно опасных последствий.

Под непосредственным влиянием пособника, при активном участии его воли, укрепляется и сам мотив, послуживший стимулом волевого процесса у

исполнителя или иного соучастника. Влияние пособника должно выражаться в каких-то определенных действиях, направленных на оказание содействия в совершении преступления. Тем самым волевой акт пособника является тем звеном, которое соединяет обуславливающие и виновное деяние пособника с преступлением, совершенным исполнителем, и общим преступным результатом.

Социальной сутью деяния пособника является его общественная опасность, которая заключается в способности деяния причинить или создать угрозу вреда. Нужно согласиться с мнением Мельникова В.Ю. о том, что общественная опасность деяния заключается не только в том, что посягает на ценности общества [66, с. 246]. Иногда пособничество наряду с содействием совершению преступления включает в себя состав другого преступления. В этом случае деяние пособника общественно опасно само по себе, вне связи с общественной опасностью деяния, совершаемого исполнителем.

Деяние пособника может и не содержать в себе состав другого преступления и быть само по себе, в отрыве от деяния исполнителя преступления, таким, которое не представляет общественной опасности. Такое деяние пособника, взятое отдельно от действия исполнителя или других соучастников, может и не иметь негативного влияния на процессы и явления, имеющие общественный интерес и охраняемые уголовным законом. Поэтому действие пособника само по себе, в отрыве от действия исполнителя, является социально ничтожным. Деяния человека, на первый взгляд весьма безобидное, становится, однако, преступным и приобретает уголовно-правовое значение в том случае, когда оно сознательно направлено на облегчение, содействие совершению преступления другими соучастниками. Например, один человек предоставляет другому в пользование транспортное средство. Само по себе предоставление транспортного средства одним лицом другому не является общественно опасным, однако оно приобретает уголовно-правовое значение и становится

общественно опасным, если это предоставление проводится для осуществления преступного намерения исполнителя [36, с. 72].

Для оценки характера и степени общественной опасности деяния пособника, виды пособничества (интеллектуальное, физическое), а также его конкретные формы значения не имеют. Существенным обстоятельством, влияющим на общественную опасность деяния пособника, является его характер, а также то значение, которое играет деяние пособника для успешного совершения преступления исполнителем. Так, М.И. Ковалев справедливо замечает, что значение деяния пособника определяется не только интенсивностью, с которой пособник стремится предоставить преступнику помощь, и не только силой и мощью средств, которые он предоставляет в распоряжение исполнителя, а и тем реальным эффектом, который, в конце концов, должны иметь эти действия [47, с. 102].

Признание пособничеством только таких действий, которые были необходимым условием и существенно облегчали совершение преступления исполнителем, разделяет и судебная практика.

В целом же ученых едины во мнении, что пособник фигура опасная среди других соучастников [60, с. 159], и это правильно, потому что объективной стороны преступления он непосредственно не выполняет, роль инициатора преступления принадлежит не ему, его действия носят лишь вспомогательный характер. Однако несмотря на то, что пособник, как правило, наименее опасная фигура среди других соучастников, необоснованными представляются предложения отдельных ученых [96, с. 36] ограничить ответственность за пособничество, исключив ее при совершении преступления, которое не имеет большой общественной опасности.

Юридическим выражением общественной опасности пособничества является его противоправность. Такая противоправность состоит в том, что пособничество нарушает требование уголовно-правовой нормы. Уголовная противоправность деяния пособника устанавливается в Общей части УК РФ (ст. 33). Важное значение при анализе пособничества имеет исследование тех

способов содействия, которые позволяют пособнику вложить свою долю участия в общий преступный результат. Как известно, под способом совершения преступления принято понимать те приемы и методы, применяемые лицом при совершении преступного деяния [18, с. 22]. Это означает, что под способом пособничества нужно понимать те приемы и методы, с помощью которых обуславливается или облегчается совершение преступления исполнителем.

В науке уголовного права нет единства в терминологическом обозначении способов содействия совершению преступления. Одни ученые определяют их как виды пособничества, а исходя из этих видов пособничества определяют виды пособников. Другие же указанные законом способы содействия совершению преступления определяют с помощью термина «форма».

Часть 5 ст. 33 УК РФ предусматривает исчерпывающий перечень форм пособничества. Под советом как формой пособничества нужно понимать рекомендации в части выбора объекта преступления, способов сокрытия следов преступления. К советам также следует относить совершение задуманного, в каком месте, какие орудия нужно использовать, кого привлечь в соисполнители. Советы как форма пособничества могут также касаться способов сокрытия преступной деятельности.

Под указанием понимается наставление или разъяснение, как действовать в этом случае. Указание, в отличие от совета, как представляется, имеет императивный характер, в большей степени несет в себе определенную долю требования, более серьезное волевое воздействие. Это может иметь место в случаях соучастия взрослых с несовершеннолетними, соучастия при наличии служебной, семейной и иной зависимости. В остальном различие между советом и указанием установить достаточно сложно. Несколько иного мнения придерживается Хицкова А. А., отмечая что «указание может рассматриваться как более конкретное наставление по поводу совершения преступного замысла. Однако никакого

юридического значения указанное различие не имеет и иметь не может» [125, с. 404].

Советы и указания могут даваться и устно, и письменно (а указания и путем конклюдентных действий) поэтому не всегда нужно, чтобы исполнитель и пособник общались между собой напрямую. Также они могут даваться в открытой либо замаскированной формах («до» либо «во время» совершения преступления). К орудиям и средствам, предоставляемым для совершения преступления, могут быть отнесены самые разные предметы и вещества. Так, орудиями могут быть огнестрельное и холодное оружие (топор, молоток, бритва и т.д.), химические вещества, предоставляемых для подделки документов, чемоданы с двойным дном и прочее. Под средствами совершения преступления также понимаются транспортные средства, средства связи, сигнализации, деньги и т.д. К этой же форме пособничества нужно отнести предоставление исполнителю различных вспомогательных средств, необходимых для достижения преступного результата, например, фальшивых документов. Правильной, на наш взгляд, является мнение профессора Васильев, А. М. который считает, что «как средства могут выступать самые разные предметы материального мира при условии, что по своим свойствам они могут предоставить исполнителю помощь в совершении объективной стороны состава конкретного преступления» [16, с. 109].

По мнению ученого, «к устранению препятствий как одной из форм содействия совершению преступления можно отнести любое деяние, способное устранить ту или иную преграду на пути соучастников, например, отравление сторожевых собак для того, чтобы исполнитель мог свободно проникнуть на склад или охраняемую территорию». Устраняя препятствие, «пособник также может отвлечь внимание владельца похищаемого имущества, вести наблюдение, чтобы исполнитель не был застигнут на месте совершения преступления, а также совершить другие действия» [69, с. 80].

При определении понятия пособника законодатель указанием на возможность содействия преступления путем данного заранее обещания укрыть подчеркивает, что причастность в виде сокрытия может образовывать пособничество лишь в том случае, когда оно заранее обещано [12, с. 164].

Толкование термина «заранее» в свое время было дано Пленумом Верховного Суда СССР [86], который отнес сюда и обещание, данное исполнителю во время совершения преступления. Думается, что такое толкование термина «заранее» правильное, поскольку процесс совершения преступления может включать значительный промежуток времени, во время которого может быть дано обещание укрыть преступление или приобрести либо сбыть имущество, которое будет добыто преступным путем. Так, например, при совершении дящихся преступлений обещание может быть дано в любое время, пока продолжается преступление, хотя бы, например, если несколько актов хищения дящегося преступления было уже завершено. Под «заранее данным обещанием» нужно понимать обещание, данное до полного прекращения совершения преступления. Именно потому, что это обещание дается заранее оно становится в обусловливающей связи с преступлением, совершенным исполнителем.

Содержанием вины пособника, исходя из общего учения о вине и ее форме, является совокупность психических моментов, интеллектуальных и волевых, в которых отражаются объективные признаки совместно совершенного преступления и которые отражают определенное отношение лица, способствующего совершению преступления, к этим признакам.

Определяя специфику содержания умысла при пособничестве, нужно отметить, что интеллектуальный момент умысла пособника включает в себя:

- осознание фактических обстоятельств (объективных и субъективных признаков) преступления, совершению которого оказывается содействие;
- осознание общественной опасности преступления, совершению которого оказывается содействие;

- осознание того обстоятельства, что его действие (бездействие), сутью которого является содействие, выступает необходимым условием совершения преступления исполнителем или существенно облегчает такое совершение;
- предвидение общего преступного результата и своего вклада в него;
- предвидение обуславливающей связи между собственным деянием и деянием исполнителя.

Считаем, что «с учетом изложенного целесообразно предоставить общее понятие пособника, определив объективные и субъективные признаки, которые охватывали бы все возможные формы содействия» [128, с. 19].

Исходя из закономерностей соотношения общего (понятие соучастия) и особенного (понятие вида соучастника), «понятие пособника должно, во-первых, учитывать все общие объективные и субъективные признаки, присущие понятию соучастия, во-вторых – отображать специфические признаки пособника как вида соучастника» [94, с. 725].

Таким образом, главное в содержании объективной стороны деяния пособника именно то, что его помощь является необходимым условием совершения преступления, причинение общего преступного результата. Действия пособника может выступать необходимым условием не только деяния исполнителя, но и действий других соучастников. И в том, и в другом случае пособник вносит свой вклад в наступление преступного результата, способствует его наступлению.

Субъективная сторона деяния пособника должна отражать специфику его объективной стороны и характеризуется тем, что вина пособника может быть выражена как в прямом, так и косвенном умысле.

Заключение

Результаты проведенного магистерского исследования позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, в результате изучения истории возникновения и развития института соучастия, его форм и видов соучастников, можно, условно, определить несколько этапов его становления.

На первом этапе происходил процесс отделения в законодательстве индивидуальных преступлений от групповых.

На втором этапе законодатель пытался установить роль отдельного соучастника в совершении преступления, поэтому были определены организаторы, исполнители и другие виды соучастников.

На третьем этапе произошла формализация объективных и субъективных признаков соучастия, а также дифференциация ответственности соучастников.

Четвертый этап характеризуется законодательным закреплением определенных форм соучастия. Вместе с тем анализ современной структуры и динамики преступности свидетельствует, что происходит рост уровня организованной преступности, которая с каждым годом приобретает новые опасные формы. Поэтому, по нашему мнению, необходимо направить усилия на совершенствование уголовно-правовых норм о соучастии, особенно таких опасных ее форм как организованная группа и преступная организация. Также следует отметить, что действующий в настоящее время Уголовный кодекс РФ наиболее оптимально регулирует взаимоотношения между государством и лицами, которые совместно посягают на те или иные ценности в обществе по сравнению с ранее действовавшим законодательством о соучастии.

Однако всегда существовала и будет существовать необходимость дальнейшего совершенствования этого закона, исходя из реалий современной жизни.

Во-вторых, аргументировано, что: установление вида соучастника дает возможность не только обосновать его ответственность, но и определить статус, роль соучастника в совместно совершенном преступлении, которой должна соответствовать конкретная мера ответственности; характер участия в совместно совершенном преступлении является наиболее емким критерием классификации соучастников – обобщенной совокупностью их отличительных признаков и наиболее полно отражает роль лица в совместном совершении преступления; законодательное разделение соучастников на виды по характеру участия определяет и правила квалификации исполнителя (соисполнителя), организатора, подстрекателя и пособника.

В-третьих, на основании анализа критериев классификации форм соучастия в преступлении аргументировано, что наиболее удачным для современных форм соучастия является такой критерий классификации, как способ организации действий соучастников. Констатировано, что совершение преступления в соучастии отражено в законе в качестве обстоятельства, повышающего общественную опасность деяния для большинства умышленных составов преступления, предусмотренных Особенной частью УК. Данное обстоятельство представляет собой средство индивидуализации наказания.

УК использует различные формы соучастия в качестве конститутивных признаков отдельных составов преступления, предусмотренных Особенной частью, с целью дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

В-четвертых, аргументировано, что определение основания уголовной ответственности – это не просто очередной спор о терминах, а важная часть научной разработки категориального аппарата, которая имеет как материальное, так и процессуальное значение и играет одну из основных ролей в процессе правового регулирования. Так, правильная квалификация создает правовые предпосылки для наказания настоящего преступника и

исключает необоснованное осуждение лица, действия которого не представляют общественной опасности и не являются противоправными.

Определение основания уголовно-правовой квалификации – это начальный этап правоприменения. Поэтому значение правильности на этом этапе крайне велико, поскольку от начала логично зависит и продолжение всего процесса.

Пятое, установлено, что деяние исполнителя является общим результатом взаимодействия деяний всех соучастников. Причем в преступлениях с формальным составом совокупность действий соучастников порождает условно одно следствие, а именно действия исполнителя, а в преступлениях с материальным составом – так сказать два следствия: первое – деяние исполнителя и второе – общественно опасное последствие совместно совершенного ими преступления.

Кроме того, действия соучастников только в случае взаимодействия имеют свойство причины, достаточной для наступления преступного результата, то есть только в их совокупности являются достаточными причинами.

В связи с тем, что деяние, которое образует объективную сторону состава преступления, совершенного в соучастии, порождается только взаимодействием усилий всех соучастников, действия организатора, подстрекателя и пособника всегда являются опосредованной и недостаточной причиной, ибо только обеспечивают его выполнение, а деяние исполнителя является непосредственной, но тоже недостаточной причиной, потому что оно хотя и образует объективную сторону состава преступления, но благодаря тому вкладу, который обеспечивается усилиями других соучастников. Рассматривая соучастие как систему, можно выделить ее относительно самостоятельные части – подсистемы.

В случае участия в совершении преступления наряду с несколькими соисполнителями также соучастников, которые выполняют другие роли (организатора, подстрекателя или пособника), необходимо рассматривать

взаимодействие соисполнителей как подсистему системы причинения – соучастия с распределением ролей между соучастниками. В свою очередь, рассматривая соисполнительство как систему причинения, в случае технического распределения функций между соисполнителями можно выделить подсистемы в зависимости от промежуточной цели.

Шестое, установлено, что главное в содержании объективной стороны деяния пособника именно то, что его помощь является необходимым условием совершения преступления, причинение общего преступного результата. Действия пособника может выступать необходимым условием не только деяния исполнителя, но и действий других соучастников. И в том, и в другом случае пособник вносит свой вклад в наступление преступного результата, способствует его наступлению.

Пособником должен признаваться только тот, кто способствует приготовлению или совершению преступления, не принимая непосредственного участия в действиях, образующих объективную сторону состава преступления, совершению которого он способствует.

Субъективная сторона деяния пособника должна отражать специфику его объективной стороны и характеризуется тем, что вина пособника может быть выражена как в прямом, так и косвенном умысле.

Седьмое, сделан вывод о том, что действующее уголовное законодательство позволило положить конец дискуссии по вопросу о качественном составе группы лиц по предварительному сговору, которая продолжалась длительное время.

Воля законодателя в этом случае четко не объективированная, ведь применение разработанных наукой и практикой способов и методов толкования уголовного закона (в нашем случае ч. 2 ст. 35 УК РФ) позволяет сделать противоположные выводы о возможности (невозможности) образования состава группы лиц по предварительному сговору за счет не соисполнителей, а соучастников различных видов.

Так, истинный смысл указанной уголовно-правовой нормы установить проблематично, доктринальные попытки воплощения в УК РФ компромиссной позиции, которая принимает во внимание единство места и времени действий соучастников как характеристику группы лиц по предварительному сговору, оказались неудачными, а аргументы в пользу традиционной позиции кажутся более убедительными.

Кроме того, для обеспечения единства правоприменительной практики необходимы разъяснения Верховного Суда, посвященные раскрытию специфики соисполнительства при совершении наиболее распространенных преступлений и его отмежеванию от проявлений соучастия с распределением ролей.

Восьмое, проведенный анализ признаков организованной группы как формы соучастия, показал, что для правильной квалификации деяний такой группы необходимо законодательно регламентировать как ее объективные, так и субъективные признаки.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдульмянова Т.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций: Учебно-методическое пособие / Т.В. Абдульмянова, И.П. Асанова, М.А. Жадяева. Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2021. 203 с.
2. Актуальные проблемы уголовного права / П. Агапов, Е. Карабанова, О. Капинус [и др.]. Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 484 с.
3. Актуальные проблемы учения о преступлении: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева, Омск, 28 февраля 2020 года / Омская академия МВД России. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. 20 с.
4. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Арутюнов Александр Арташевич. Москва, 2003. 49 с.
5. Арутюнов А. Причинная связь в соучастии // Право и образование. 2002. № 5. С. 166-179.;
6. Бабий Н.А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях / Н.А. Бабий. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2017. 752 с.
7. Бапанова Т. Некоторые вопросы конкуренции уголовно-правовых норм с участием исключительной нормы // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2020. № 9. С. 36-38.
8. Баумштейн А.Б. Социалистическо-классическая школа уголовного права (конец 1930-х - середина 1950-х гг.) // Известия Юго-Западного

государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 2(19). С. 104-109.

9. Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки русского уголовного права. Общая и Особенная часть. К.; Х. : Южно-Русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1896. 671 с.

10. Беспалько В.Г. Слово как начало закона Божия и закона уголовного в трудах христианских богословов и российских правоведов // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 60-65.

11. Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бобровский Олег Викторович. Тольятти, 2007. 161 с.

12. Богомазова О.В. Советские энциклопедии 1920-1960-х годов как источник историографических представлений // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22(351). С. 161-166.

13. Борков В.Н. Отличие пособника, устраняющего препятствия совершению преступления, от соисполнителя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2(90). С. 77-83.

14. Бриллиантов А.В. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6(944). С. 31-36.

15. Брусиловский М. «Русская Правда» - живой организм / М. Брусиловский // Вопросы национализма. 2010. № 2(2). С. 212-217.

16. Васильев А.М. Уголовное право России: Общая часть (курс лекций): учебное пособие / А.М. Васильев, Н.А. Васильева. Армавир: РИО АГПА, 2012. 212 с.

17. Вишневский А.Ф. Уголовно-правовые идеи В.Д. Спасовича: к 190-летию со дня рождения ученого // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12(109). С. 170-179.

18. Войцеховская М.А. Особенности института соучастия сквозь призму уголовной юрисдикции во французском праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 4. С. 21-24.

19. Волколупов В.Г. Вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также наркосодержащих растений (Статьи 228, 228.1, 229 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1(44). С. 65-70.

20. Воропаев С.А. Уголовная ответственность в механизме уголовно-правового регулирования: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Воропаев Сергей Александрович. Москва, 2016. 22 с.

21. Гаврищук В.В. Законодательство Петра I: регламенты // Право и образование. 2000. № 3. С. 70-78.; Константинова А.С. К вопросу об основных направлениях исследования правового памятника «Соборное Уложение 1649 г.» // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 78-80.

22. Гейнце О.В. Посредничество в групповом преступлении и групповое посредничество // Российское правосудие. 2021. № 4. С. 80-86.

23. Георгиевский Э.В. Общее понятие преступного в истории уголовного права России: терминологическое многообразие // Государство и право. 2008. № 4. С. 83-89.

24. Герасимова Н.Р. Сравнительно-правовой анализ отдельных положений уголовного кодекса РСФСР 1960 года и уголовного кодекса РФ 1996 года // Социально-политические науки. 2019. № 5. С. 134-137.

25. Герд А.С. Большой академический толковый словарь русского языка // Русский язык в школе. 2011. № 7. С. 78-81.

26. Горемычкин И.Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия / И.Е. Горемычкин. Москва : Издательство «Юрлитинформ». 2021. 152 с.

27. Грачева Ю.В. Преступление в Советском уголовном Уложении и доктрине уголовного права // *Lex russica (Русский закон)*. 2014. Т. 97. № 12. С. 1454-1470.

28. Грачева Ю.В. Уголовная ответственность за организационную деятельность: прошлое, настоящее, будущее // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 12(52). С. 23-33.

29. Стешич Е.С. Некоторые теоретические вопросы каузальности в преступлениях против жизни (философско-правовой аспект) // *Общество и право*. 2015. № 4(54). С. 122-128.

30. Дворецкий М.Ю. Уголовная ответственность: реализация и эффективность: В 4-х частях / М.Ю. Дворецкий, В.Ю. Стромов. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2013. 876 с.

31. Демчук С.Д. Уголовно-правовые признаки организованной группы // *Lex russica (Русский закон)*. 2021. № 8(177). С. 58-68.

32. Долгушина, Л.В. Организованная преступность в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем: современное состояние и тенденции развития // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 6(157). С. 387-389.

33. Дорошенко М.А. Система наказаний в уголовном праве Китая / М.А. Дорошенко, Е.В. Епифанова // *Очерки новейшей камералистики*. 2016. № 2. С. 103-105.

34. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и особенная части / В.К. Дуюнов. 3-е издание. Москва : Издательский Центр РИОР, 2017. 403 с.

35. Ежов А.Н. Институт соучастия в уголовном праве стран Евросоюза (Англии, Франции, Германии): учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / А.Н. Ежов, Н.А. Селяков; А.Н. Ежов, Н.А. Селяков. Москва : Юпитер, 2005. 79 с.

36. Ежов А.Н. Наказание в уголовном праве стран Евросоюза (Англии, Франции, Германии): учеб. пособие / А.Н. Ежов, Н.А. Селяков ; А.Н. Ежов, Н.А. Селяков. Москва : Юпитер, 2005. 95 с.

37. Епифанова Е.В. Проблемы соучастия в преступлении в теории российского уголовного права до 1917 г // Государство и право. 2005. № 3. С. 118-120.

38. Епихин А.Ю. Изменение обвинения и квалификации преступления в судебном производстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40). С. 122-129.

39. Ермаков С.В. Особенности квалификации по статьям 286, 303 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 3(94). С. 83-90.

40. Закомолдин Р.В. К вопросу о нормативном определении понятия и сущности квалификации преступлений // Гуманитарные балканские исследования. 2020. Т. 4. № 1(7). С. 89-92.

41. Илло Д. А. Концептуальные идеи основных начал уголовного законодательства союза ССР и союзных республик 1924 года // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4(67). С. 44-46.

42. Ильясов Д. Б. Организационные формы групповой преступности (Уголовно-правовые и криминологические аспекты): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ильясов Д.Б.. Ростов-на-Дону, 2004. 24 с.

43. Кадников Н.Г. Категория тяжких преступлений по советскому уголовному праву // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 3-4. С. 368-375.

44. Кибальник А.Г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: оценка в юридической историографии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 31-35.

45. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. К. : Издание Ф.А. Иогансона, 1891. 850 с.

46. Князькина А.К. Эволюция системы наказаний - революционная модель, представленная в руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 38-43.

47. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть вторая. Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности / под ред.: М.А. Ефимов. Свердловск, 1962. 273 с.

48. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом / Н.Ш. Козаев. Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2019. 480 с.

49. Кокин Д.М. Соучастие в преступлении. Лекция // Мир политики и социологии. 2018. № 5-6. С. 68-81.

50. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1(44). С. 24-30.

51. Коновалова, М.А. Уголовно-правовая ошибка в дореволюционном праве России // Современное общество и право. 2013. № 4(13). С. 99-104.

52. Коняхин В.П. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.ф.С.р. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со

дня принятия) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 133-145.

53. Коутс М. Исторические взгляды на энциклопедистику: история создания Большой Советской Энциклопедии // Современная российская региональная энциклопедистика : место и роль в обществе, перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 21–22 ноября 2019 года. Уфа: государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия», 2019. С. 19-24.

54. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. М. : Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 1972. 352 с.

55. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. 2-е издание. Пекин Shangwu Yinshuguan, 2020. 1650 с

56. Кузнецова Н.Ф. К 125-летию со дня рождения Арона Наумовича Трайнина // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 46-49.

57. Куликов Е.А. Институт соучастия в преступлении с позиции категорий общего, особенного и единичного: некоторые дефекты нормативно-правового регулирования // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 1(19). С. 6-15.

58. Курс советского уголовного права / Д.М. Шаргородский, И.И. Солодкин, С.А. Домахин [и др.]; ответственные редакторы: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский; Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Ленинград : Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, 1968. 646 с.

59. Курсаев А.В. Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное сопричинение вреда: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Курсаев Александр Викторович. Москва, 2011. 26 с.

60. Кухтина Т.В., Классен М.А. Формы соучастия: теоретические и практические аспекты // Проблемы права. 2016. № 1 (55). С. 154-160.

61. Леонтьев М.Г. Правоведение (основы теории права): Конспект лекций для студентов специалитета очной формы обучения специальности 20.05.01 Пожарная безопасность. / М.Г. Леонтьев; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, кафедра социальных, психологических и правовых коммуникаций. Москва: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2015. 61 с.

62. Максимова, О.Д. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года: обсуждение, принятие и внесение изменений в Центральном Исполнительном Комитете СССР / О.Д. Максимова // Право и политика. 2014. № 2. С. 219-226.

63. Марисюк К.Б. «Поток и разграбление» как вид уголовного наказания в Русской Правде // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 355-361.

64. Мартынов В.Ф. Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Петра 1 // Власть. 2012. № 12. С. 163-166.

65. Маруков, А.Ф. Кровная месть у восточных славян: историко-правовой анализ // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ГОУ ВПО МГОУ им. В.С. Черномырдина. 2012. № 7. С. 38-50.

66. Мельников, В.Ю. Вопросы уголовного права / В.Ю. Мельников, Б.Б. Джамалова, К.А. Долгополов. Ростов-на-Дону : Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2020. 356 с.

67. Мельников, В. Ю. Уголовное право : Учебник / В.Ю. Мельников, Б.Б. Джамалова; Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Ростов-на-Дону : Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2020. 464 с.

68. Мельников В.Ю. Уголовное право: Учебник. В двух томах / В.Ю. Мельников, Б.Б. Джамалова, К.А. Долгополов; Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2020. 392 с.

69. Минькова А.М. Соучастие в преступлении и деяния, примыкающие к соучастию (преступления с множественностью участников и прикосновенность к преступлению) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 2(21). С. 79-82.

70. Мирошниченко М.И. Создание советов по борьбе с проституцией в начале 1920-х годов: женская и мужская позиции в директивах центра и практике мест (по материалам Урала) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 41-45.

71. Иванцова Н.В. Модельный уголовный кодекс для государств - участников СНГ и уголовное законодательство Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 166-169.

72. Наумов А.В. К 165-летию со дня рождения Николая Степановича Таганцева (1843-1923) // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 22-31.

73. Научные основы квалификации преступлений: Учебник для использования при обучении сотрудников органов внутренних дел по программам высшего образования, дополнительным профессиональным программам, основным программам профессионального обучения / С.Н. Шатилов, Р.А. Сабитов, Р.Д. Шарапов [и др.]. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 362 с.

74. Нерсесян, В.А. Ответственность за неосторожные преступления : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-

исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Нерсисян Ваган Агванович. Москва, 2006. 334 с.

75. Никитин О.В. Лингвистика в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза- Ефрона (К 100-летию издания) // Русский язык в школе. 2007. № 8. С. 72-78.

76. Орлова А.И. Добровольный отказ от преступления (проблемы теории и практики): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Орлова Александра Ивановна. Красноярск, 2007. 20 с.

77. Основные понятия Уголовного кодекса Российской Федерации: международные акты, российские нормативные правовые акты, судебная практика / [Антонов Ю.И. и др.]; под ред. А.В. Галаховой; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Российская акад. правосудия. Москва : Норма, 2010. 575 с.

78. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Р.Б. Осокин. Москва, 2014. 581 с.

79. Пантюхина И.В. К вопросу регулирования группового преступления вне соучастия в преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 3-6.

80. Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Плотников Александр Иванович. Москва, 2012. 45 с.

81. Плотников А.И. Соучастие в преступлении: спорные вопросы // Lex russica (Русский закон). 2007. Т. 66. № 3. С. 508-526.

82. Плотников А.И. Соучастие как единство объективного и субъективного // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2012. № 15. С. 98-107.

83. Помогалова Н.Н. Ответственность за преступления против собственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Помогалова Наталья Николаевна. Москва, 2003. 166 с.

84. Попов, О.А. Борьба с организованными формами похищения людей: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Попов Олег Александрович. Ростов-на-Дону, 2001. 231 с.

85. Попов С.А. Преступления против собственности по уголовному праву Франции: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Попов Сергей Алексеевич. Москва, 2004. 157 с.

86. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 N 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107352/.

87. Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 3(248). С. 183-193.

88. Преступления против личности и собственности: проблемы толкования и квалификации / О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, Л.Я. Тарасова [и др.]. Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский

юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. 64 с.

89. Раздросин А.В. Установление разумения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Наука сегодня: сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции: в 4 частях, Вологда, 28 октября 2015 года / Научный центр «Диспут». Вологда : ООО «Маркер», 2015. С. 20-22.

90. Розенко С.В. Развитие института наказания в «руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 Г.: концептуальные и методологические аспекты // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2(26). С. 84-88.

91. Рубаник В.Е. Зарождение Отечественной традиции правового регулирования отношений собственности: право собственности в Древней Руси до русской правды // Вопросы экономики и права. 2011. № 39. С. 7-17.

92. Рудой Л.А. Отграничение прикосновенности к преступлению от соучастия в преступлении в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 4. С. 180-184.

93. Сергеева Т.Л. Учение о соучастии в трудах русских дореволюционных криминалистов // Lex russica (Русский закон). 2010. Т. 69. № 1. С. 22-52.;

94. Скворцов Я.Л. О словаре нового типа - Большом толково-объяснительном словаре русского языка // Международные коммуникации. 2017. № 3. С. 1247

95. Современный толковый словарь русского языка : более 90000 слов / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. СПб. : Норинт, 2004. 959 с.

96. Солопанов Ю. О соучастии // Социалистическая законность. М. : Известия, 1989. № 2. С. 35-36.

97. Сорочкин, Р.А. Правила квалификации преступлений с двумя формами вины // Российский следователь. 2007. № 24. С. 22- 24.

98. Стрелкова О.Ю. Соотношение юридического лица как субъекта преступления с преступными объединениями // Российский следователь. 2021. № 2. С. 47-50.

99. Тараборин Р.С. Управление кодификационными процессами гражданского законодательства России в период реформ Петра I (1700-1725 гг.) // Вопросы управления. 2014. № 4(29). С. 193-196.

100. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления / отв. ред.: П.Т. Некипелов. Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 216 с.

101. Тимейко Г.В. Спорные вопросы соучастия при преступном бездействии // Советская юстиция. М. : Юрид. лит., 1965. № 6. С. 8-11.

102. Томсинов В.А. Законодательство Екатерины I и Петра II. Учебное пособие / В.А. Томсинов. Москва: Зерцало, 2009. 328 с.

103. Трахов А.И. Предпосылки становления института наказания в руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 71-76.

104. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.К. Андрианов, А.А. Арямов, В.А. Блинников [и др.]; Российский государственный университет правосудия. 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. 1344 с.

105. Уголовное право. Общая часть / И.В. Дворянсков, Е.А. Антонян, С.А. Боровиков [и др.], 2022. 532 с.

106. Уголовное право. Общая часть. практикум: Учебное пособие / И.Я. Козаченко, Е.И. Бахтеева, Т.И. Ваулина [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 355 с.

107. Уголовный закон Латвийской республики / науч. ред. и вступ. ст. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 313 с.

108. Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; вступ. ст. В.И. Михайлова; обзор. ст. О. Гамкрелидзе; пер. с груз. И. Мериджаиашвили. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 350 с.

109. Уголовный кодекс Италии 1930 г. / науч. ред. и предисл. канд. юрид. наук, доц. Р.М. Асланова; пер. с итал. Е.Р. Шубиной. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 470 с.

110. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / науч. ред. и предисл. А.Я. Стуканова, П.Ю. Константинова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 352 с.

111. Уголовный кодекс Литовской республики / науч. ред. В.Й. Павилониса; предисл. Я.И. Мацнева; вступ. ст. В.Й. Павилониса, А. Абрамавичюса, А. Дракшене; пер. с лит. В.Я. Казанскене. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 470 с.

112. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е.Р. Азарян, Н.И. Мацнев; пер. с армян. Р.З. Авакян. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 450 с.

113. Уголовный кодекс Республики Казахстан / науч. ред. и предисл. И.И. Рогова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 466 с.

114. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А.И. Лукашова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 408 с.

115. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г. № 25. Ст. 2954.

116. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова; предисл. Х.И. Йешека; пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 560 с.

117. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. и предисл. Я.Е. Крыловой и Ю.Я. Головки; пер. с франц. Я.Е. Крыловой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 600 с.

118. Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эстон. В.В. Запевалова; предис. Я.И. Мацнева. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 262 с.

119. Уолш Дж. Закон о борьбе с организованной преступностью и коррупцией (Закон RICO) // Проблемы борьбы с организованной преступностью: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23-25 апреля 1997 г.). М., 1998. С. 32-36.

120. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно-правовое исследование / В.С. Комиссаров, А.И. Коробеев, Л.Л. Кругликов, Н.Ф. Кузнецова. Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. 560 с.

121. Фамильникова, Д.К. Формирование военно-уголовного законодательства в период преобразований Петра I // Студенческая наука и XXI век. 2020. Т. 17. № 2-2(20). С. 115-117.;

122. Федорова, А.Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федорова Анна Николаевна. Тольятти, 2005. 192 с.

123. Фойницкий И.Я. Источники русского уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2(42). С. 259-274.

124. Хадзегов, АВ. Банда и состав бандитизма в уголовном праве России: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хадзегов Артур Валерьевич. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.

125. Хицкова А.А. Понятие санкции в науке уголовного права // Научный аспект. 2019. Т. 4. № 2. С. 403-407.

126. Хубиев Р.Х. Некоторые вопросы квалификации похищения человека, незаконного лишения свободы, захвата заложника // Черные дыры в Российском законодательстве. 2014. № 3. С. 95-101.

127. Царев, Е. В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность: история, современность, перспективы развития: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Царев Евгений Вячеславович. Нижний Новгород, 2009. 31 с.

128. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цвиренко Ольга Леонидовна. Екатеринбург, 2005. 23 с.

129. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цвиренко Ольга Леонидовна. Тюмень, 2005. 191 с.

130. Чемерински К.В. Меры профилактики преступлений против свободы, чести и достоинства, совершаемых в соучастии // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1(193). С. 107-110.

131. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений в зависимости от формы соучастия в преступлении // Вестник Кемеровского государственного университета 2015. № 2-2(62). С. 227-232.

132. Шагаев В.А. Вопросы военного права в Соборном уложении 1649 года // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 1(10). С. 202-210.; Федорова А.Н. Соборное уложение 1649 г. В системе источников

права // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 3(14). С. 56-60.

133. Шеслер А.В. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3(21). С. 59-65.

134. Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года- памятник советской уголовно-правовой мысли // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 3. С. 83-88.

135. Шкеле М.В. Тенденции решения в судебной практике квалификационных вопросов соучастия в приобретении наркотических средств без цели сбыта // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 3. С. 121-128.

136. Южиков А.А. Организованная группа как квалифицирующий признак состава преступления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 3(99). С. 156-164.

137. Duyunov V.K. On the concept of positive criminal re-sponsibility in the context of criminal law impact: A critical view // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2021. Vol. 24. No S1. P. 5.

138. Gruodytė E. Reform of Lithuanian Criminal Law: Tendencies and Problems // Baltic Journal of Law & Politics. 2008. Т. 1. С. 248.

139. Mathematical Model-Based Study of the Problem of Collective Effect in Philosophical, Social and Economic Theories / O.S. Evchenko, T.N. Ivanova, N.N. Kosheleva [et al.] // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 87. P. 817-824.

140. Poppi F.I. M. In nomine Diaboli: The ideologies of organized crime / F. I. M. Poppi, A. Ardila // European Journal of Criminology. 2021.

141. Regional Identity and Assessment of the Quality of Life by the Population (In Terms of Empirical Research in the Samara Region) / I. Tsvetkova, T. Ivanova, E. Zhelnina, N. Gorbacheva // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 129 LNNS. P. 755-763.